

1

НЕКРАСОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана

М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1956

Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

советский
писатель

Вступительная статья
*и подготовка текста В. П. **Друзина**,*
*примечания И. З. **Сермана***

Н. А. НЕКРАСОВ

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов был достойным преемником и продолжателем дела Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Его поэзия выражала народные чаяния и интересы в период бурного развития революционно-демократического движения в России. Глубокое знание народной жизни, революционные убеждения, ненависть к феодально-помещичьему строю и к капитализму — вот характерные черты мировоззрения Некрасова. Он вошел в русскую литературу как поэт — изобразитель народной жизни, певец народного горя и народной борьбы за лучшее будущее, провозвестник грядущей демократической революции, призванной разбить цепи, опутавшие народ, и дать ему возможность жить свободно.

Эпоха литературной деятельности Некрасова — середина XIX столетия — была эпохой мощного расцвета русской литературы: русский критический реализм завоевывал ведущее место в мировом литературном движении.

По силе поэтического таланта, по искренности и глубине чувств, по проникновенному знанию

народной жизни и народных стремлений Некрасов занимает одно из первых мест в современной ему литературе, ознаменованной деятельностью великих писателей — Островского, Тургенева, Щедрина, Гончарова, Достоевского, Толстого.

Поэт-реалист, Некрасов был убежденным сторонником самого передового направления русской мысли своего времени, был пламенным глашатаем социалистических идей в той форме, в какой развивались они в России великими представителями домарксовского социализма — Белинским и Чернышевским. Идея социализма сообщила некрасовской критике действительности глубину, позволила ему вскоре после отмены крепостного права разглядеть новые формы угнетения и эксплуатации, принесенные народу развитием капитализма.

Сознательное стремление к революционному преобразованию жизни в сочетании с трезво-практическим пониманием насущных нужд русской демократии сообщило поэтическому творчеству Некрасова невиданную силу убежденности, окрылило его реализм представлением о силах, творящих историю, о неминуемом конечном торжестве народа, а его устремленность к будущему получила прочную опору в глубоком знании коренных интересов народа, его надежд и чаяний.

Некрасов сочетал традиции своих учителей-реалистов с лучшими чертами народно-поэтичсского творчества и на основе этого плодотворного слияния создал свою поэзию, свой неповторимый стиль, обновил язык и стих, наложил

резкий отпечаток своей поэтической личности на каждое свое произведение, на каждую строчку своих стихов.

В поэзии Некрасова революционно-демократическое содержание получило совершенное художественное воплощение.

I

Некрасов родился 28 ноября (10 декабря) 1821 года в местечке Немиров, Подольской губернии. Алексей Сергеевич Некрасов, отец поэта, был заурядным армейским офицером-службистом. Передовые идеи времени, воодушевлявшие его современников, деятелей тайных революционных обществ, будущих декабристов, остались ему чужды. Убежденный крепостник, он широко пользовался своими правами хозяина крепостных душ. Для своих домашних Алексей Сергеевич был таким же деспотом и тираном, как и для крестьян.

Стихи Некрасова о его детстве в родовой усадьбе Грешнево проникнуты неизбывной горечью, а судьба матери, ее преждевременная смерть оставила незаживающую рану в его сердце.

В противоположность отцу, мать поэта, Елена Андреевна Закревская, была образованной женщиной. Она кончила виленский женский институт, знала языки, любила и понимала музыку, много читала.

Влияние матери пробудило в мальчике интерес

к чтению, к поэзии, оно защищало его от влияния тлетворной, развращающей обстановки отцовского дома.

В 1832 году Некрасов поступил в ярославскую гимназию. В гимназические годы Некрасов очень много читал и писал стихи. За пять лет, проведенных в гимназии, он усвоил не много знаний, но зато основательно познакомился с современной поэзией и журналистикой. Здесь он впервые познакомился с запретными вольнолюбивыми стихами Пушкина и со статьями лучших представителей современной критики — Полевого и Надеждина.

Гимназию пришлось оставить в 1837 году, так как отец перестал платить за обучение. Некрасов возвращается в Грешнево, а затем, по совету матери, уезжает в столицу. «Надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк (военное учебное заведение. — *В. Д.)*, я туда поехал», — вспоминал Некрасов. Он держит экзамены, но неудачно — сказалась плохая подготовка, — и его принимают осенью 1839 года вольнослушателем на философский факультет Петербургского университета. Учился Некрасов недолго. Как вспоминал он впоследствии: «учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил».

Не оправдались и надежды на литературный успех. Некрасов выступил как поэт впервые в начале 1830-х годов, когда русская поэзия переживала тяжелое время: Пушкин погиб, Лермонтов еще не был понят и оценен, реакционная критика безмерно прославляла эпигонов и вуль-

гаризаторов романтизма; все это заставляло с тревогой думать о дальнейших судьбах русской поэзии.

Юношеские опыты Некрасова были неудачными. Он, еще не оформившийся поэт, пошел по неправильному пути, и первая его книга была не похожа на все то, что он писал в дальнейшем. Он попал в русло эпигонского романтизма.

Изданная в начале 1840 года книжка стихов «Мечты и звуки», получившая несколько благожелательных отзывов, публикой была встречена равнодушно, а Белинский, в то время уже признанный вождь передовой общественной мысли, дал ей резко отрицательную оценку. Он писал о сборнике, на котором вместо фамилии Некрасова стояли инициалы поэта: «...Прочесть целую книгу стихов, встречать в них все знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки и много-много, если наткнуться иногда на стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек, — воля ваша, это чтение или, лучше сказать, работа для рецензентов, а не для публики... Посредственность в стихах нестерпима. Вот мысли, на которые навели нас «Мечты и звуки» г. Н. Н.» [1]

В стихах первого некрасовского сборника Белинский увидел только «общие места» псевдоромантической поэзии конца 1830-х годов, с кото-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1954, стр. 119.

рой великий критик вел самую непримиримую борьбу во имя поэзии глубокой мысли и общественно-значительного содержания.

Казалось, что́ должен был сделать молодой поэт, получив ряд похвальных рецензий и только одну отрицательную? Кому он должен был поверить? Вероятно, был соблазн поверить хвалебным рецензиям. Но Некрасов поверил тому критику, который сурово встретил его первые опыты. Некрасов понял, что надо идти другой дорогой, а не той, на которую он случайно попал. Найти свое настоящее призвание, выбраться на дорогу к настоящей поэзии, к поэзии глубоких идей и серьезных чувств молодому поэту было нелегко. На время из поэта-лирика, автора «Истинной мудрости», «Встречи душ», «Ангела смерти», Некрасов превратился в литературного чернорабочего. «Уму непостижимо, сколько я работал, — вспоминал Некрасов свою молодость, — полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы».

Под псевдонимами Н. Перепельский, Ф. Боб, И. Пружинин, Ф. Белопяткин, Александр Бухалов Некрасов писал стихотворные фельетоны и афиши, водевили с куплетами, рассказы, повести, рецензии и критические статьи. В 1843—1844 годах Некрасов написал большой роман «Жизнь и похождения Тихона Тросникова», оставшийся по цензурным причинам в рукописи, за исключением двух глав, напечатанных как отдельные рассказы.

Как ни тяжела была порой эта литературная поденщина, она не сломила Некрасова, не опошлила его ум, а только закалила его характер и волю, к природному поэтическому таланту прибавила практическую хватку литератора-профессионала.

К этому времени в мировоззрении и творчестве Некрасова произошел уже «поворот к правде». Некрасов-прозаик обращается к изображению жизни столичной бедноты, рисует сцены нищеты и отчаяния, показывает изнанку Петербурга, столицы империи Николая I. В середине 1840-х годов Некрасов выступает как инициатор и издатель сборников-альманахов, которые, по его замыслу, должны были объединить молодые силы русской литературы, учеников Гоголя и Белинского. В 1845 году вышла «Физиология Петербурга», в 1846 году — «Петербургский сборник». Уже обогащенный новым опытом, уже сблизившийся с Белинским, он наконец снова возвращается к поэзии. И теперь Белинский приветствует Некрасова как подлинно талантливого поэта-реалиста.

Белинский пишет в одном из писем в 1847 году:

«...Некрасов — это талант, да еще какой! Я помню, кажется в 42 или 43 году, он написал в «Отечественных записках» разбор какого-то булгаринского изделия, с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством, что читать наслажденье и удивленье. Разумеется, его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем за-

мечательном таланте, внес в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя».[1]

В первом альманахе Некрасов напечатал свой рассказ «Петербургские углы», рассказы и очерки Даля, Григоровича, Панаева. Второй альманах — «Петербургский сборник» — стал литературным событием эпохи. В нем впервые выступил в печати Достоевский с «Бедными людьми», в «Петербургском сборнике» были напечатаны новые стихи Некрасова: «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня». В обоих сборниках участвовал Белинский.

Позднее один из современников вспоминал: «Знаете ли, что для нас уцелело изо всей этой эпохи? Стоны сердца одного поэта — да, одно некрасовское стихотворение, в котором сжались, совместились все новости сороковых годов, — первое стихотворение, выдвинувшее вперед личность поэта... Я говорю о стихотворении «В дороге»... Из стихотворения явно было, что его писал человек с народным сердцем, человек закала Кольцова, что он не сочиняет ни речи, ни сочувствий».[2]

Таково было впечатление, произведенное этим стихотворением на современников. Первым приветствовал новые стихи Некрасова Белинский. Он писал, что они «проникнуты мыслью; это не стишки к деве и луне; в них много умного, дель-

---

[1] В Г. Белинский. Избранные сочинения. М., 1949, стр. 1021.

[2] А. Григорьев. Собрание сочинений, вып. 13, М., 1915, стр. 17—19.

ного и современного... Лучшее из них — «В дороге».[1]

Успех альманахов у читателя, восторженный прием его новых стихов — все это утвердило Некрасова в намерении взять в свои руки какой-либо журнал, чтобы прогрессивно-демократическая литература, возглавляемая Белинским, получила свой орган, свою общественную трибуну.

В 1847 году Некрасов совместно с И. И. Панаевым берет в аренду журнал «Современник», основанный в 1836 году А. С. Пушкиным.

В «Современнике» печатались последние статьи Белинского, его годовые обзоры русской литературы за 1846 и 1847 годы. В них Белинский, которого подтачивала неизлечимая болезнь, оставил свои заветы русским писателям на многие десятилетия вперед. В «Современнике» в это время печатались статьи и очерки Герцена, рассказы Тургенева из «Записок охотника», роман Гончарова «Обыкновенная история».

Революция 1848 года вызвала в России волну правительственных реакционных мероприятий. Эпоха 1848—1855 годов в истории русской литературы и журналистики недаром именуется «мрачным семилетием», или «эпохой цензурного террора». Вести в этих условиях журнал было делом величайшего гражданского мужества. В мае 1848 года Некрасов лишился своего старшего друга, а журнал своего признанного идей-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX. М., 1955, стр. 221.

ного руководителя — Белинского. Весной 1849 года начались аресты по делу Петрашевского. Позднее Некрасов вспоминал эту эпоху:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.

После смерти Белинского руководство журналом целиком перешло к Некрасову. Касаться вопросов общественной жизни, а тем более политики, было совершенно невозможно. Критический отдел, в котором при Белинском велась настойчивая и последовательная пропаганда передового, социалистического в своей основе мировоззрения, стал заполняться легковесными статейками фельетонного характера. Однако Некрасов сумел объединить вокруг журнала лучшие силы русской реалистической литературы, твердо веря, что наступит такое время, когда снова можно будет заговорить в духе Белинского.

Некрасов был единственным, кто после смерти великого критика продолжал его дело, собирая вокруг журнала все живое и талантливое, поддерживая и ободряя новые дарования. В журнале печатались Тургенев, Гончаров, Писемский, Даль, Огарев, Фет, Полонский, Козьма Прутков.

Некрасов ввел в русскую литературу Льва Николаевича Толстого, напечатав в 1852 году его первую повесть.

В середине 1850-х годов развернулась борьба между представителями поэзии гражданской, поэзии публицистической, которая ставила перед собой определенные революционо-политические цели, и сторонниками так называемого «чистого искусства», поклонниками «чистой красоты». Эти реакционеры в искусстве стремились увести поэзию с единственно правильной, плодотворной дороги. Они проповедовали реакционные идеи о том, что искусство выше жизни, что искусство независимо в своем существе от общественной жизни, от общественной деятельности людей.

Со всеми этими реакционными идеями Некрасов вел борьбу и как поэт и как редактор передового и лучшего тогда журнала «Современник», чувствуя себя прежде всего поэтом-гражданином, который ставит перед собой большие, широкие общественные задачи.

Некрасов считал своим долгом бороться за свои идеи не только в качестве творца-поэта, но и в качестве организатора литературного процесса, в качестве журналиста, редактора таких изданий, которые объединяли вокруг себя родственных ему литераторов прогрессивного направления.

Как поэт он рос и развивался, участвуя в этой борьбе за передовые революционные идеи, сплачивая вокруг себя писателей реалистического направления. С его жизнью и деятельностью оказа-

лись связаны жизнь и деятельность великих революционных демократов Добролюбова и Чернышевского.

Неудачный исход Крымской войны означал полный провал всей системы произвола и насилия, которою держался режим Николая I. В стране назревала народная, крестьянская революция. Наиболее дальновидные представители правящего класса, во главе с новым царем — Александром II, понимали, что необходимо провести реформы, для того чтобы избежать революции.

«Современник» в эти годы стал руководящим органом русской демократии, стал журналом, каждая статья которого служила одной цели — борьбе за интересы народа.

Во имя этой цели Некрасов не колеблясь порвал со своими прежними сотрудниками, дворянскими либералами, даже с таким близким ему человеком, как Тургенев, и предоставил Чернышевскому и Добролюбову, пришедшему в журнал в 1856 году, полную свободу действий.

В 1856 году Некрасов выпустил собрание своих стихотворений. В этом сборнике он как бы подвел итог тому периоду своего творчества, который начался стихотворением «В дороге» и который он сам характеризовал как «поворот к правде».

Сборник открывался знаменитым программным стихотворением «Поэт и гражданин», собранные в нем стихи воссоздавали потрясающую картину жизни народа в дореформенной крепостнической

России, картину, пронизанную глубочайшим лирическим волнением. Сила этого лиризма, сила любви поэта к народу еще больше оттеняла сарказм его сатирических стихов о господах и помещиках, о болтунах-либералах, открытых и замаскированных угнетателях народа.

По выходе сборника в свет Чернышевский писал Некрасову, уехавшему лечиться в Италию: «Сочувствие публики к Вам очень сильное — сильнее, нежели предполагал даже я, упрекаемый Вами в пристрастии к Вашим стихотворениям. Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех, как Ваша книга».[1] И далее в том же письме:

«Помните, однако, что на Вас надеется каждый порядочный человек у нас в России. Вы сделали много, гораздо больше, нежели предполагал даже я, пока не перечитал Вашу книгу, — но еще гораздо больше Вы сделаете. Силы Ваши огромны и, что Вы ни говорите, свежи».[2] О небывалом успехе стихотворений Некрасова в один голос говорят все современники, даже недоброжелатели Некрасова и его литературные враги.

Вернувшись в 1857 году в Россию, окрыленный успехом своего сборника, вдохновленный подъемом общественного настроения в России, Некрасов вступает в полосу напряженного и плодо-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений и писем, т. XIV. М., 1949, стр. 321.

[2] Там же, стр. 325.

творного поэтического творчества. В это время написаны поэма «Тишина», стихотворения «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного подъезда», «Песня Еремушке».

В «Современнике» начинают участвовать молодые писатели-демократы, идейные выученики Чернышевского и Добролюбова — Н. Г. Помяловский, Н. В. Успенский, В. А. Слепцов. «Современник» в эти годы (1856—1861) — самый популярный, самый распространенный в России журнал, орган революционной демократии, школа политического воспитания нескольких поколений деятелей русского революционного движения 1860-х годов. Статьи Чернышевского и Добролюбова, стихи Некрасова служили одной цели — воспитанию борцов за народное дело, сознательных и мужественных борцов за «великое дело любви».

Крестьянская реформа 1861 года не оправдала народных надежд: ограбив крестьянство в пользу помещиков, она открыла «свободу» деятельности для новых угнетателей народа — капиталистов.

Не половинчатых реформ, а подлинного освобождения народа от всякой эксплуатации, действительной свободы для тружеников хотели Чернышевский и Некрасов.

Но самодержавие, подавив разрозненные, стихийные крестьянские бунты, перешло в наступление. В 1862 году был арестован Чернышевский (Добролюбов умер в ноябре 1861). «Современник» лишился, таким образом, двух своих руководителей. В том же году журнал был приоста-

новлен на восемь месяцев. Но и в этих труднейших условиях Некрасов стремится во что бы то ни стало сохранить журнал, спасти его от окончательного запрещения.

Он снова собирает вокруг себя литераторов-демократов, привлекает к руководству журналом Щедрина, Пыпина, Елисеева и Антоновича. Некрасову приходится прибегать к всевозможным уловкам, чтобы избежать цензурных гонений. Однако уберечь журнал от запрещения Некрасову не удалось. После покушения Каракозова на Александра II (4 апреля 1866) «Современник» был закрыт «навсегда». Не помогла даже прочитанная им на обеде в Английском клубе ода Муравьеву, обращенная к Муравьеву-Вешателю, жестокому усмирителю польского восстания. Ошибочность этого шага Некрасов сразу же осознал и впоследствии всю жизнь терзался раскаянием. В. И. Ленин писал о подобных ошибках Некрасова:

«Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них:

> Не торговал я лирой, но бывало,
> Когда грозил неумолимый рок,
> У лиры *звук неверный* исторгала
> Моя рука...

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи». [1]

Однако Некрасов, которому пришлось расстаться с созданным им журналом после двадцатилетней работы в нем, не смирился. Уже в следующем, 1867 году он начинает переговоры о передаче ему журнала «Отечественные записки», принадлежавшего Краевскому.

С 1868 года обновленные «Отечественные записки» выходят под редакцией Некрасова и Щедрина.

И снова Некрасов, с присущей ему энергией и деловитостью, сумел собрать вокруг журнала лучшие силы демократической литературы эпохи. В журнале печатались, кроме Некрасова и Щедрина, Глеб Успенский, Островский, Писарев, Михайловский, Решетников, Левитов, Марко Вовчок, В. Курочкин.

Сам Некрасов в последнее десятилетие своей жизни преимущественное внимание уделяет созданию эпических произведений. Такие поэмы Некрасова, как «Дедушка» (1870), «Русские женщины» (1871—1872), имели огромное влияние на идейное развитие русской революционной демократии 1870-х годов, а его великолепная сатира «Современники» (1875) обличала нового «хозяина жизни», капиталиста, еще более наглого и хищного угнетателя народа. Наконец, в своей незаконченной поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1863—1876) Некрасов хотел дать поэти-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 287.

ческое выражение народной жизни в целостном ее облике, создать монументальное поэтическое воплощение переломной эпохи.

Мучительная болезнь омрачает последние два года жизни поэта. Предчувствие близкой кончины вдохновляет его на создание цикла «Последние песни» (1877).

Весть о болезни Некрасова взволновала всю Россию. Он стал получать сочувственные письма, телеграммы, стихи со всех концов страны.

В далеком Вилюйске заточенный там Чернышевский, узнав о тяжелой болезни Некрасова, писал Пыпину, для передачи больному поэту: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов.

Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И как поэт он, конечно, выше всех русских поэтов». [1]

Исполненные любви и сочувствия слова Чернышевского дошли до Некрасова. Пыпин отвечал Чернышевскому: «Некрасов еще жив... Я передал ему твои слова. Он был тронут: «Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благо-

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XV. М., 1949, стр. 88. Письмо к А. Н. Пыпину от 14 августа 1877 года.

дарил его; я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова».[1]

27 декабря 1877 года Некрасов умер.

Три дня к его гробу приходили проститься все те, кому был дорог поэт, для кого его творчество было выражением их самых лучших, самых задушевных чувств и мыслей.

30 декабря состоялись похороны Некрасова. Газеты так описывали это последнее прощание с поэтом: «Громадная толпа, по крайней мере в три-четыре тысячи человек, сопровождала гроб поэта, который до самого кладбища был несен на руках. Большая часть этой толпы состояла из учащейся молодежи и литераторов... Кроме того, множество почитателей и поклонников покойного положительно всех званий и всякого состояния, не исключая и простых крестьян, шли за гробом «народного» поэта. По уверению старожилов, подобная многолюдная процессия была только на похоронах Крылова».[2]

Находившиеся в Петербурге представители революционного подполья решили прийти на похороны. Г. В. Плеханову, тогда члену народнической организации «Земля и воля», было поручено выступить с речью. После Засодимского и Достоевского выступил Плеханов. Он, по его собственным воспоминаниям, «...оттенял револю-

---

1 Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XV. М., 1949, стр. 920. Письмо А. Н. Пыпина от 5 ноября 1877 года.

2 «На память о Николае Алексеевиче Некрасове». СПб., 1878, стр. 27—28.

ционное значение поэзии Некрасова. Я указывал на то, какими яркими красками изображал он бедственное положение угнетаемого правительством народа. Отметил я также и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов, этих предшественников революционного движения наших дней...»[1]

II

Выход Некрасова на дорогу самостоятельного поэтического творчества совпал с тем временем, когда передовая общественная мысль России, после многолетних исканий, пришла к идее необходимости демократического преобразования крепостнической страны. В условиях жесточайшего зажима мысли и политического угнетения критика и литература были теми отдушинами, сквозь которые могли пробиваться демократические идеи. В литературе протест против рабства прежде всего проявился в защите народа, «мужика», от пренебрежительного и барски-снисходительного взгляда на него со стороны официальной литературы и журналистики.

В 1841 году Белинский писал: «Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек, — а чтобы иметь право быть изображену искусством, человеку нужно быть человеком, а не чиновником 14 класса, или дворянином.

---

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник VI. М., 1938, стр. 237.

И у мужика есть душа и сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть, словом — есть жизнь. Но чтоб изобразить жизнь мужиков, надо уловить, как мы уже сказали, идею этой жизни. И тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого. Вот отчего «Вечера на хуторе» Гоголя, посвященные изображению простого быта Малороссии, дышат такою полнотою художественности, очаровывают такою неотразимою прелестию, такою дивною поэзиею».[1]

Школа Гоголя в литературе 1840-х годов пошла дальше своего учителя, крестьянин стал основным героем повестей Григоровича, рассказов и очерков Тургенева, стихотворений Некрасова. И первым произведением, с которого началась эта новая эпоха русской литературы, было стихотворение Некрасова «В дороге».

Что нового было в подходе поэта к своим героям?

По форме изложения — рассказ от первого лица — «В дороге» сходно с многими рассказами и повестями из «простонародной» (крестьянской) жизни, появлявшимися в то время. Но важна здесь не эта внешняя форма, а внутренний характер стихотворения, драматизм его содержания. Некрасов показывает, как молодая крестьянская девушка, которой случайно стало доступно образование, ввергнутая вновь в обычные условия крестьянской жизни того времени, гибнет, —

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954, стр. 303.

гибнет трагически, причем муж, с которым ее повенчали по барскому приказу, совершенно убежденно винит во всем господ, давших ей образование.

Трагизм стихотворения — в обычности, обыденности условий жизни, губящих человека. Ямщик рассказывает своему седоку не о чрезвычайных и редких событиях, но о самом обычном, о драме, причины которой коренятся в самых условиях жизни народа. Своим стихотворением Некрасов ставит тот вопрос, которым озаглавил свой роман о загубленной женщине А. И. Герцен — «Кто виноват?» Но Некрасов не только спрашивает, он и отвечает. Смысл стихотворения — в осуждении общественного строя России его времени, в указании на чудовищную несправедливость и ненормальность общественных отношений, которые обрекают огромную часть нации на подневольную жизнь.

Некрасов сумел поэтически вдохновенно и правдиво рассказать судьбу Груши («В дороге»), потому что он уловил «идею» народной жизни своего времени, показал, как варварски тяжелые условия крепостной зависимости губят человека. Стихотворение Некрасова звало к борьбе во имя народа и его раскрепощения. Вот почему так восторженно было встречено оно всей передовой Россией. Этот горячий прием ободрил Некрасова, он продолжал поэтическую разработку тем из народной жизни в «Тройке», «Огороднике», «Псовой охоте», «Отрывках из путевых записок графа Гаранского». Он создает цикл стихо-

творных очерков народной жизни, исполненных глубокого драматизма и проникнутых идеей протеста во имя народной свободы.

Не ограничиваясь «деревенской» темой, Некрасов в стихах обращается к жизни городской бедноты, к жизни тех, кого он изображал в «Петербургских углах». И здесь он видит унижение человека и его человеческого достоинства, а вывод, к которому он приходит, — тот же, что и в стихах о крестьянах:

Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

Современная критика сразу почувствовала своеобразие творчества Некрасова. «Отечественные записки» писали о его стихах: «Отличительная черта их — резкое, до глубины сердца проникающее обнаружение телесных и душевных страданий, при котором нет никакой пощады чувствительности. Автор не прикрывает своих картин даже легким покровом, из снисхождения к слабым глазам; не кладет сурдинки на вопли больного сердца, но позволяет ему кричать всею силою естественного крика».[1]

Обнаружение «телесных», а главное «душевных» страданий человека, придавленного несправедливостью общественного строя, беспощадное

---

[1] «Русская литература в 1847 году». — «Отечественные записки», 1848, № 1.

по своей правдивости изображение современной жизни — вызвало против Некрасова озлобление реакционной журналистики и критики. Фаддей Булгарин, тайный агент III Отделения, пишет на Некрасова донос за доносом; в самом «Современнике», после смерти Белинского, Некрасову приходится для поддержки журнала привлекать к сотрудничеству критиков вроде Дружинина, враждебно настроенных по отношению к поэзии Некрасова, к ее темам, к ее общественной направленности.

И тем не менее Некрасов сохраняет верность заветам Белинского. В 1851 году в программном стихотворении «Муза» он дает развернутую характеристику идейного своеобразия своей поэзии:

Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков...

С началом Крымской войны, и особенно в связи с тем общественным подъемом, который начался в России вследствие поражения, понесенного крепостническим строем и режимом Николая I, в поэзии Некрасова происходят существенные изменения. От изображения частных судеб людей из народа, крестьян, бедных чиновников Некрасов переходит к обобщенному воспроизведению жизни своей страны, жизни народа в целом.

Таково, например, построение стихотворения «Школьник». Если первая часть стихотворения — обращение к школьнику, с которым случай сво-

дит поэта, то в заключительной части стихотворения поэт обращается уже ко всей стране, ко всему народу:

Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Синтетический образ России, родины возникает в стихах Некрасова именно в это время — в 1854—1855 годах.

Каждое стихотворение его — хотел он этого или не хотел — воспринимается читателями как целостная картина русской жизни, как изображение России, а не как описание частного случая.

В поэзии Пушкина Россия прежде всего — государственное единство, внутри которого Пушкин ясно представляет себе отношения различных, как он писал, сословий. Понятия «народ» и «государство» у Пушкина еще не противостоят друг другу. У Лермонтова в стихотворении «Родина» этому понятию государственного единства противопоставляется новое понимание родины как России деревенской, России народной. Для Лермонтова Россия — это «дрожащие огни печальных деревень», а не «слава, купленная кровью». У Некрасова этот процесс слияния понятия родины и народа завершается.

Своеобразие понятия родины в поэзии Некрасова в том, что в его понимании народ и родина, Россия, — совпадают, сливаются. А так как народом для Некрасова является только трудовой народ, крестьянство в первую очередь, то и родина в его понимании — это деревенская Русь

та, к которой с такой надеждой и любовью обращается поэт в стихотворении «Школьник»:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой...

И тогда, когда определился этот целостный образ России — родины — народа, в поэзии Некрасова стал приобретать все более определенные черты и образ самого поэта, который получает окончательную завершенность в произведениях 1855 года: «Праздник жизни — молодости годы», в первой главе поэмы «Саша» (1855), в стихах «Безвестен я, я вами не стяжал», «Замолкни, Муза мести и печали!» и, наконец, в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856), написанном как манифест новой, революционно-демократической поэзии, как прямой призыв к революционному действию.

Лирический герой поэзии Некрасова, то «я», от имени которого ведется разговор в стихах о назначении поэта, приобретает конкретно-автобиографические черты, оставаясь одновременно типическим образом демократа, носителя передовой мысли своего времени. Это не поэт «вообще», не отвлеченное понятие, а живой человек, сам Некрасов, во всем своеобразии своего идейного и поэтического облика, с резко выраженными чертами поэта нового, демократического типа.

Этот вполне понятный и оправданный автобиографизм стихов Некрасова, оправданный его идейным и поэтическим новаторством, его стремлением объяснить себе и своему читателю смысл своей поэзии, вызывал возражения и нападки идейных противников поэта:

Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтожность!»
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленьи буквы «я».

Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель, —
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.

Только окончательно определив свое положение в общественной борьбе эпохи, в приближающихся великих исторических переменах, наступление которых он предчувствовал, Некрасов счел себя вправе обращаться ко всей России в той форме, в какой до него обращался к ней только Гоголь в «Мертвых душах»: [1]

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился...

. . . .

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно...

---

[1] «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? . .»

В эти же годы (1855—1856) Некрасов начинает поиски положительного героя, сознательного выразителя передовых идей эпохи. Таким тогда, в условиях почти поголовной темноты и невежества народных масс, мог быть только человек из других слоев общества, дворянин ли, разночинец ли, но прежде всего интеллигент, у которого место стихийного, неосознанного протеста занимает сознательная мысль, передовая идея.

В поэмах «В. Г. Белинский», «Саша», «Несчастные» Некрасов на материале минувшего десятилетия русской истории, на материале хорошо памятных ему событий общественной жизни (дело петрашевцев в поэме «Несчастные»), по своим личным воспоминаниям о Белинском прослеживает пути передовой русской мысли и преломление ее в жизни и судьбах людей только что миновавшей эпохи.

Поэма о Белинском по своей фактической основе не могла быть напечатана в России. Может быть, поэтому многие черты духовного облика Белинского Некрасов сообщил Кроту, главному герою поэмы «Несчастные». В этой поэме Некрасов следует традиции революционно-романтических поэм Рылеева («Войнаровский», «Исповедь Наливайки»).

Самым существенным в поведении Крота для Некрасова было его неустанное стремление пробудить в своих товарищах заключенных чувство человеческого достоинства, внушить им сознательный патриотизм — желание лучшего будущего для народа:

Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна, куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Мысль о пробуждении в человеке, в народе сознательного отношения к жизни, к своему положению соединяется у Некрасова с мыслью о будущем. Как никто из русских поэтов, его предшественников, Некрасов устремлен к будущему; конкретные, живые черты его он страстно стремится разглядеть сегодня, основываясь на своей вере в силу и богатство русского народного характера. Так, в «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) от частного случая, наблюденного им на петербургской улице, он переходит к грандиозному обобщению в заключительной части стихотворения, где дается общая характеристика народной жизни: «Где народ, там и стон...», заканчивающаяся обращением-вопросом поэта к народу. В этом стихотворении сегодняшняя по-

корность ходоков-крестьян вызывает у поэта вопрос, на который он сам пока еще не дает ответа, тот вопрос, который волновал русскую демократию того времени, ибо от его разрешения зависело будущее народа, будущее России:

> Ты проснешься ль, исполненный сил,
> Иль, судеб повинуясь закону,
> Все, что мог, ты уже совершил, —
> Создал песню, подобную стону,
> И духовно навеки почил?..

Духовное пробуждение народа для Некрасова было в то же время и пробуждением в нем духа революционной борьбы. Поэтому в обстановке все обостряющейся классовой борьбы в стране, в канун назревавшей крестьянской революции Некрасов не хочет только дожидаться пробуждения спящего великана-народа, он все свои душевные силы, весь свой поэтический талант отдает делу создания настоящей литературы для народа, в которой простота и доходчивость поэтической формы соединились бы с передовыми, прогрессивно-демократическими идеями.

Некрасов вполне разделял взгляды Добролюбова на задачи современной литературы. В 1859 году критик указывал на необходимость для писателей обратиться к серьезному изучению жизни народа: «Не пора ли уж нам, от этих тощих и чахлых выводков неудавшейся цивилизации обратиться к свежим, здоровым росткам народной жизни, помочь их правильному, успешному росту и цвету, предохранить от

порчи их прекрасные и обильные плоды? События зовут нас к этому, говор народной жизни доходит до нас, и мы не должны пренебрегать никаким случаем прислушаться к этому говору».[1]

Одним из отголосков этого «говора» было народно-поэтическое творчество, фольклор, народная пословица, поговорка, загадка, заплачка, песня, сказка, все виды и формы, в которых выразилось, а для этой эпохи еще выражалось в полной мере — народное отношение к жизни, народные интересы и желания.

Начало 1860-х годов — время наибольшего нарастания революционного кризиса в стране; в творчестве Некрасова — это время создания его первых поэм из народной жизни: «Коробейники» (1861), «Мороз Красный нос» (1863). В 1863 году Некрасов начинает поэму «Кому на Руси жить хорошо», основная работа над которой происходит в более поздние годы.

В «Коробейниках» его в первую очередь интересует крестьянская жизнь и то, как складываются отношения между людьми в крестьянской среде, вопреки давлению извне, вопреки гнету господ и чиновников. Любовь Вани и Катерины изображается Некрасовым как истинное чувство, в основе которого лежит крепкая привязанность и глубокое взаимное уважение любящих. В «Коробейниках» и в поэме «Мороз Красный нос» Некрасов воплотил поэзию народной жизни, по-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1935, стр. 309.

казал то прекрасное, что в ней было, что народ пронес через века невыносимого гнета, те «здоровые ростки», о которых говорил Добролюбов.

Значение «Коробейников» в творчестве Некрасова не только в том, что это поэма из народной жизни, но и в том, что она написана для народа. Поэт выбирал в ней такие поэтические средства, которые делали бы ее доступной, понятной и интересной любому читателю из народа, непривычному к книжной поэзии, незнакомому с литературой. Отсюда пронизанность поэмы фольклорным материалом, ритмами народного стиха и пословицами.

В «Коробейниках», своем первом опыте «повести» из народной жизни, Некрасов еще почти не касается значения труда в жизни крестьянина и крестьянской семьи. Но уже «Мороз Красный нос» целиком посвящен этой теме.

Отношения Прокла и Дарьи определяются их взаимной любовью и совместным трудом.

В основе крестьянской жизни лежит труд, и Некрасов в своей поэме показывает красоту свободного труда, красоту человеческих отношений, в основе которых лежит не расчет, не лицемерие и обман, а здоровое и прекрасное в своей человечности чувство. Сон Дарьи, в котором перед ней предстает счастливая пора их совместной жизни с Проклом, одновременно дает представление о том идеале свободной трудовой жизни, идеале довольства и счастья, о котором и в пореформенную эпоху русский крестьянин мог только мечтать.

Смерть Прокла — смерть крестьянина-труженика — Некрасов изображает так, как до него в поэзии изображалась смерть полководца или государственного деятеля. По убеждению поэта, вся жизнь Прокла — это подвиг:

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

Всем строем речи Некрасов хочет подчеркнуть, усилить значительность этой смерти. Поэтому он употребляет обороты и слова высокого, торжественного характера, смело вводит выражения, несомненно взятые из псалмов и молитв: «потрудившийся в поте», «поработав земле», «непричастный заботе», «подъявшие много труда». Величавость, приподнятость подобных выражений еще более оттеняется соседством самых простых предметов крестьянского обихода. И «холщовая рубаха» и «липовые лапти», включенные в общий ритмический и словесный строй стихотворения,

нисколько ему не противоречат, они тоже приобретают высокопоэтическое, торжественно-приподнятое звучание и еще больше оттеняют трагизм и значительность этой сцены.

В поэме «Мороз Красный нос», как и в «Коробейниках», Некрасов вновь возвращается к изображению судьбы и жизни русской крестьянки.

В эпоху создания стихотворений «В дороге», «Тройка» Некрасов видел только уродующее и губящее воздействие на женщину условий крестьянской жизни:

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.
. . . .
И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

(«Тройка»)

Верный призыву Добролюбова «искать здоровые ростки» в народной жизни, Некрасов снова обращается к изображению женской доли и судьбы. Но теперь он сумел посмотреть на крестьянскую жизнь, на женскую долю не извне, не глазами глубоко сочувствующего, но все же стороннего этой жизни человека; теперь он проник в самую суть крестьянской жизни и сам проникся

народным крестьянским отношением к жизни и труду.

Крестьянские поэмы Некрасова начала 1860-х годов представляют собой более высокую ступень реалистического постижения народной жизни, чем его стихи 1840-х годов. Напомнив в начале поэмы «Мороз Красный нос», что

Три тяжкие доли имела судьба
. . . .
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли, —

Некрасов всем содержанием своей поэмы, всем поведением своей героини, Дарьи, показывает, что жизнь в труде оказывала не только отупляющее и обессмысливающее влияние на людей. Именно о русской крестьянке говорит поэт:

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде...

и в образе Дарьи Некрасов воплощает облагораживающее влияние свободного труда, труда на себя и семью; он увидел в ней и красоту, и силу характера, и глубину чувств — словом, в крестьянке, которую крепостнический строй обрекал на «тупое терпенье» и на «бессмысленный, вечный испуг», Некрасов видит теперь лучшее воплощение идеала женщины и человека, воплощение лучших черт русского народного характера.

Образ Дарьи, благородной и самоотверженной

в любви, стойкой и мужественной в тяжких испытаниях, по праву входит в галерею чудесных женских образов, созданных русской литературой.

В 1840—1850-е годы одновременно со стихами о крестьянской доле Некрасов создает цикл стихов о Петербурге, сатирическую галерею типов чиновных подлецов и лицемеров. В этот раздел некрасовского творчества входят: «Колыбельная песня» (1845), «Нравственный человек» (1847), «Филантроп» (1853), «Гадающей невесте» (1855). При всем разнообразии тем эти стихотворения объединяет то, что каждое из них касается одной какой-либо стороны столичной жизни, изображает одну какую-либо категорию столичных бюрократов или прожигателей жизни.

Впервые целостный образ Петербурга-столицы, противопоставленный России, возникает в поэзии Некрасова в «Несчастных» (1856). Но только в сатире «О погоде» (1859—1865) Некрасов создает свой образ Петербурга, дает законченное изображение столичной жизни со всеми ее противоречиями, с контрастами богатства и нищеты, блеска и грязи.

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,

И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Все сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.

Все нравственное и физическое безобразие нарисованной им картины столичного дня Некрасов противопоставляет «тишине деревенского поля».

Этот контраст оказывается еще острее в сатире «Балет» (1866), где от зрелища крестьянского танца, исполняемого балериной на сцене императорского театра, поэт переносит читателя на зимнюю дорогу, по которой тянутся крестьянские обозы, отвезшие рекрутов...

Крестьянин, пляшущий на ходу, чтобы согреться на долгом пути, трудами которого живет вся эта «безликая сволочь салонов», посетители лож и «бриллиантовых рядов» оперы, крестьянин и его интересы — вот то мерило добра и зла, которым руководствуется Некрасов-сатирик.

III

Поэт народной жизни и народных идеалов, гневный обличитель гнета и лицемерия господствующих классов, Некрасов был поэтом револю-

ционной борьбы, певцом героизма и самоотверженности русских революционеров 1860—1870-х годов.

Еще в 1855 году, в самом начале эпохи подъема общественного самосознания в России, Некрасов писал о том, что истинный патриотизм заключается в борьбе за переустройство жизни: «Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и не бесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь, в горячем сочувствии всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию».[1]

Стихи Некрасова внушали его демократическому читателю, «молодому поколению», как тогда обычно говорили, непримиримую вражду к общественному злу и стремление отдать все «и самую жизнь» делу освобождения народа.

От стихотворения «Поэт и гражданин», с призывом «Иди и гибни безупречно», идет в некрасовском творчестве эта линия непосредственных революционных призывов.

Некрасов неоднократно в своем творчестве говорил о революционерах разных поколений. Он создал образы революционеров-декабристов, революционеров 1860—1870-х годов, тех, кого преследовало царское самодержавие. Иногда в небольших лирических зарисовках Некрасов говорил

[1] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. IX. М., 1950, стр. 313.

читателю об этих пламенных борцах за народную свободу.

Вот, например, впечатление Некрасова о дороге, по которой идут ссыльные на восток, — это стихотворение о знаменитой Владимирке. Характерно окончание этого лирического стихотворения:

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел.
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел.
Подле лица — молодого, прекрасного
С саблей усач-негодяй.
Брат, удаляемый с по́ста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

Так напутствовал революционный поэт революционера, общественного деятеля, следующего Владимирской дорогой в ссылку.

Такие стихотворения, как «Песня Еремушке», звучали в свое время как революционная прокламация. Их заучивали наизусть, ибо они внушали

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

В стихотворениях «На смерть Шевченко» (1861), «Памяти Добролюбова» (1864), «Мать»

(1868), «Не рыдай так безумно над ним» (1868), «Чернышевский» (1874) Некрасов на примере славных деятелей русского освободительного движения учил молодежь бороться и умирать за свободу.

Лишенный возможности писать о современном ему революционном подполье, о героизме и стойкости своих современников-революционеров, Некрасов обращается к славным традициям русского революционного движения, к зачинателям революционной борьбы — декабристам. В поэмах «Дедушка» (1870) и «Русские женщины» (1871—1872) Некрасов показал возвратившегося из Сибири декабриста и рассказал о самоотверженности жен декабристов, пожертвовавших всем в жизни, чтобы разделить с мужьями их судьбу. Изображая декабристов и их жен, Некрасов думал о своих современниках и современницах, которые, «отчизну покидая, шли умирать в пустынях снеговых». Всего важнее для него было то общее, что существовало между обеими эпохами. Свои историко-революционные поэмы Некрасов обращал к современности, поэтому психологическая характеристика его героев соответствует тому, как представлял себе поэт участников и участниц революционной борьбы своего времени.

Воскрешая морально-идейные традиции декабризма, Некрасов воспроизводит в своих поэмах существенные черты русской поэмы декабристской эпохи, особенно поэмы Рылеева «Война-

ровский», где впервые намечен образ жены ссыльного, поехавшей с ним в изгнание:

Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть,
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданьи сохранить.

В первой поэме («Княгиня Трубецкая») Некрасов, для того чтобы читатели сильнее почувствовали весь ужас дальнего сибирского пути, перебивает рассказ Трубецкой ее же воспоминаниями о поездке в Италию, роскошными картинами итальянской природы.

В «Княгине Волконской» один из важнейших эпизодов поэмы — проводы М. Н. Волконской и ее встреча с Пушкиным. Великий поэт выведен у Некрасова другом и единомышленником декабристов, а не «певцом женских ножек», каким объявил его Д. И. Писарев. Некрасову такое отношение к Пушкину было чуждо. Он пишет о Пушкине тепло, с искренней любовью, с глубоким уважением. В прощальном разговоре с Волконской Пушкин показан у Некрасова как человек чуткой души и большого сердца, исполненный веры в лучшее будущее, в торжество прогресса.

Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!

Семидесятые годы в творчестве Некрасова — это время создания больших поэтических произведений. Кроме поэм о декабристах, Некрасов пишет большую сатирическую поэму «Современники» (1875) и работает над отдельными главами «Кому на Руси жить хорошо».

Рисуя галерею положительных образов, положительных героев, давая типические обобщения русской народной жизни, создавая всеобъемлющий образ родины, России, и думая о ее будущем, Некрасов, любя все это, ненавидел то, что мешало родине жить счастливо. Отсюда у него и яркая галерея образов, типов отрицательных, отсюда у него сатира, большое искусство сатирического обличения. Мы знаем такие произведения последних лет жизни Некрасова, как, например, поэма «Современники», как «Недавнее время». Мы знаем, сколько отрицательного разоблачал он в своей крупной последней поэме «Кому на Руси жить хорошо». Мы запомнили образ Обалдуева, образы князя Утятина («Кому на Руси...»), князя Ивана («Современники») и других представителей старого общества — всех этих помещиков, бюрократов, дельцов, капиталистов, которые держались за старый буржуазно-дворянский строй, которые мешали прогрессу, мешали народу развернуть свои внутренние богатые возможности.

Искусство сатиры у Некрасова достигает очень большой силы, и здесь мастерство его проявилось не меньше, чем в изображении положительных ге-

роев. Некрасов не боялся заострения сатирического образа, не боялся гиперболы и гротеска, если они были ему нужны для разоблачения всего враждебного народу.

В «Современниках», как и в предыдущих сатирических опытах Некрасова, разоблачению подвергается правящая верхушка Российской империи. Но если раньше главным врагом и угнетателем народа был класс дворян-помещиков, то теперь, в 1870-х годах, положение изменилось.

За пореформенное пятнадцатилетие появился новый угнетатель народа, капиталист нового, «европеизированного» типа, ничуть не похожий на купцов патриархального склада, выведенных в первых комедиях Островского.

Русский капиталист 1870-х годов, как это показал Некрасов в своей поэме, уже не кланяется помещику и не дрожит перед чиновником. Капиталист стал уже равноправным, а иной раз и более властным хозяином жизни страны, чем помещик.

Сила некрасовской сатиры в «Современниках» в том, что поэт показал, насколько срослась правительственная верхушка с финансовым капиталом, насколько сумела «плутократия» подчинить себе бюрократию.

Еще в 1861 году, когда было провозглашено освобождение крестьян, Некрасов писал:

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных...

Вот эти-то иные сети, сети капиталистической эксплуатации, разоблачает Некрасов в «Современниках»:

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох, горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный...

Некрасов сумел показать, что капитал, по существу, космополитичен и патриотизм капиталиста — это только жажда безмерного обогащения, что это

Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!

Воспользовавшись удачно найденной для своей поэмы формой — описанием кутежа воротил финансового мира и их подручных из бюрократии и ученого мира, — Некрасов знакомит читателя и с новой для русского общества разновидностью интеллигентов.

Таковы в поэме «москвич», «родоначальник этой фракции дельцов», и Леонид, профессор,

продавший свой талант и знания хищникам — эксплуататорам народа.

Некрасов не ограничивается своими, авторскими, сатирическими характеристиками участников сборища; его герои сами разоблачают друг друга, причем особую роль в этом взаимном разоблачении играет князь Иван, всё и вся знающий светский сплетник и остроумец; а чтобы еще больше расширить число персонажей из этого мира, Некрасов вставляет — об отсутствующем в данный момент железнодорожном дельце фон Руге — подробный рассказ только что приехавшего Кулькова.

Сатира достигает наибольшей силы в тот момент, когда Зацепин начинает беспощадно обличать себя самого и своих товарищей-соучастников и когда выясняется, что причиной такого приступа раскаяния является смерть его сына, заступившегося за честь отца и убитого на дуэли.

Возмездие настигает преступника, трагедия врывается в комедию. Потерей единственного сына платит Зацепин за свои миллионы. Вот почему вторую часть поэмы Некрасов назвал трагикомедией.

Некрасов понимает личную драму Зацепина, но в то же время видит в ней неизбежную кару. В изображении подобных случаев, в интересе к внутренней надломленности сознания людей из мира приобретателей Некрасов является одним из предшественников А. М. Горького как автора «Дела Артамоновых» и «Егора Булычева».

IV

В канун крестьянской реформы Добролюбов писал о рассказах Марко Вовчка: «Мы не можем искать у него эпопеи нашей народной жизни — это было б уж слишком много. Такой эпопеи мы можем ожидать в будущем, а теперь покамест нечего еще и думать о ней».[1]

Уже «Пролог» (1863) к поэме «Кому на Руси жить хорошо» с его сказочной завязкой — намерением семи мужиков обойти всю Россию и опросить представителей всех ее сословий — говорит о стремлении Некрасова написать всеохватывающее произведение, воспроизвести во всей полноте жизнь народа, т. е. создать подлинную эпопею.

Сюжетной основой поэмы стали поиски мужиками «счастливого человека» — сказочный мотив, наполнившийся у Некрасова огромным реальным содержанием.

«Коробейники», «Мороз Красный нос» показали крестьянина-труженика, семьянина в его повседневных нуждах. В своей эпопее Некрасов хотел осветить другие стороны народной жизни, показать духовный рост русского крестьянина, его разрыв с традиционными религиозно-патриархальными представлениями о жизни, его трудный путь к трезвому осознанию своих классовых интересов и к пониманию их противоположности интересам господствующих классов — дворянства

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1935, стр. 263.

в первую очередь, — вот какие цели ставил себе Некрасов, работая над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

В главе «Счастливые» странники слышат рассказы про Ермила Гирина, общественного деятеля из крестьянской среды, узнают о том, как помогли Ермилу крестьяне сбором денег, когда нужно было отстоять мельницу от хищников-купцов. В главе «Пир — на весь мир» крестьяне прогоняют «сквозь строй» четырнадцати деревень Егорку Шутова, совершившего тяжкое преступление перед крестьянским миром, как можно догадаться, предателя мирских интересов.

Эта способность крестьян целой округи объединиться свидетельствует, по замыслу поэта, о том, что темнота и невежество, в которых держат крестьян условия жизни, не могут помешать народу в конце концов понять необходимость объединения всех своих сил во имя одного, общего дела.

Внимание поэта привлекают и прямые выступления крестьян против угнетателей.

С особенным уважением, с глубоким проникновением в душевный строй своего героя рисует Некрасов образ Савелия, богатыря святорусского, мстителя за крестьянскую муку, не усмиренного десятилетиями каторжных работ.

Однако не в этих разрозненных, хотя и героических, подвигах мести, не в отдельных случаях солидарности, а в общенародном единстве, в союзе между народом и лучшими представителями демократической мысли, такими, как молодой

поэт Гриша Добросклонов («Пир — на весь мир»), видел Некрасов путь к подлинному освобождению народа.

В одном из стихотворений-песен Гриши Добросклонова говорится:

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином...

Так и не состоявшаяся встреча между странниками и Гришей Добросклоновым должна была разрешить загадку-вопрос, поставленный в заглавии поэмы. Она указала бы им, по какому пути надо направиться, чтобы стать гражданами своей страны, достойными этого высокого звания. Замечательный образ революционера Гриши Добросклонова, человека, который живет всецело народными интересами, — большое достижение реализма Некрасова. Гриша Добросклонов является автором замечательной песни о родине, о Руси. Ему Некрасов передает эту песнь о России убогой и обильной, о Руси забитой и всесильной.

В «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов продолжает систематически обращаться к народной поэзии и творчески перерабатывает ее материал. В фольклоре русского народа он отбирает в первую очередь то, в чем с особой силой проявлялось классовое чувство — вражда народа к помещикам и чиновникам.

Так, в сборнике Даля «Пословицы русского народа» (1861) приводится следующее народное изречение: «Мы и там служить будем на бар, они

будут в котле кипеть, а мы станем дрова подкладывать». На этой пословице построено следующее место в главе «Последыш»:

«. . .В кромешный ад провалимся —
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!» —
«Что ж там-то будет, Климушка?» —
«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»
(Смеются мужики).

В работе над главой «Крестьянка» (1873) Некрасов широко использовал книгу Е. Барсова «Причитания Северного края» (1872). Записанные в этой книге «Плачи похоронные, надгробные и надмогильные» были созданы гениальным народным поэтом Ириной Андреевной Федосовой, неграмотной крестьянкой. Много позднее, в 1896 году, А. М. Горький слышал Ирину Федосову и так описал свои впечатления:

«А вопли, вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций, да! но полных чувства, искренности, силы. . .» [1]

---

[1] А. М. Горький. Собрание сочинений, т. 23. М., 1953, стр. 233.

Познакомившись с книгой Барсова, Некрасов был поражен этим сочетанием силы и искренности в плачах и причитаниях Федосовой, и главу «Крестьянка» он построил на основе ее автобиографии, приложенной к книге, и ее вдохновенно-поэтичного страстного творчества. Некрасова привлекла в произведениях Федосовой не только их поэтическая сила, ему особенно близка оказалась ее поэзия потому, что в ней он нашел протест и ненависть, родственные его, некрасовскому, протесту и ненависти.[1]

В «Крестьянке» Некрасов рассказал историю всей жизни русской женщины из народа, начав ее детскими годами и доведя ее до «тридцати осьми» лет. Крепостные порядки, чиновничьи издевательства, суровость родных мужа, смерть первенца — все перенесла Матрена Корчагина. Великие душевные силы, неиссякаемое мужество и стойкость проявила она на своем скорбном жизненном пути. Но не только этим восхищает поэта русская крестьянка Матрена Тимофеевна. В ней его привлекают ясность ума и трезвое понимание необходимости лучшей доли для женщины.

В заключение рассказа о своей жизни Матрена говорит странникам:

А к нашей женской волюшке
Все нет и нет ключей!
Великие сподвижники

---

[1] См. Корней Чуковский. Мастерство Некрасова. М., 1952, стр. 360—363.

И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются, —
Все нет и нет ключей!

В 1876—1877 годах Некрасов создает цикл лирических стихотворений «Последние песни» (1877). Сборник этот был встречен критикой очень сочувственно. «Весь сборник производит глубокое впечатление, — говорится в одном из отзывов. — Эти «последние песни», без сомнения, самые выстраданные и самые скорбные вопли души нашего поэта. Их искренний лиризм, полный безнадежного страдания, полный тяжелых предчувствий, звучит надрывающей сердце тоской и в то же время великим нравственным мужеством, которое, пересиливая терзания жестокого недуга, дает поэту силу и утешение во вдохновениях его музы».[1]

Незадолго до смерти Некрасов в своей лирике прежде всего говорил о том, каков же был смысл его жизни и как оценит его родной народ, как оценят его потомки, что останется от всей его жизни, от всей его борьбы, от всего его творчества. Величайший образец замечательной, подлинно душевной лирики — его «Последние песни», его последнее обращение к друзьям, к своей музе.

В «Последних песнях» Некрасов подводит итог своей поэтической деятельности. В них он

---

[1] В. Зелинский. Сборник критических статей о Некрасове, ч. III. М., 1903, стр. 175.

обращается к своим сегодняшним читателям, к тем, кого он называет «сеятелями» «разумного, доброго, вечного», к молодым борцам революционной демократии с призывом продолжать ту борьбу, которую начали их великие предшественники и которой он, Некрасов, служил как мог своим поэтическим словом.

В «Последних песнях» очень сильно звучит самоосуждение. Поэт сравнивает свое поэтическое служение народу, свое литературное за него ратоборство с бессмертными подвигами русских революционеров, своих современников, и осуждает себя, считая ничтожными все иные формы протеста по сравнению с непосредственной революционной борьбой:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

И все же, среди этих сомнений в пользе своего служения народу, навеянных тяжелым болезненным состоянием и предчувствием близкой смерти, в «Последних песнях» пробивает себе дорогу вера в конечное торжество народа, а с ней — и надежда на посмертное признание его творчества.

Поддержанный одобрением Белинского и его круга в начале своего творческого пути, Некрасов вскоре остался без поддержки в литературной борьбе. Чернышевский и Добролюбов в «Совре-

меннике» или Щедрин и Михайловский в «Отечественных записках» не могли сказать о нем то, что думали, — ведь Некрасов был руководителем журнала, а писать о своих сотрудниках в тогдашней журналистике не было принято.

В то же время ни о ком из русских поэтов критика не писала так много, ни о ком не было высказано столько враждебных, недоброжелательных отзывов. Борьба вокруг Некрасова продолжалась долго и после его смерти; только в наше, советское время она завершилась всенародным признанием его творчества.

Скупо высказывавшийся в критических статьях по вопросам поэзии, Некрасов очень часто обращается к теме поэта и общественного назначения поэзии в своих стихах. Значительный раздел его творчества составляют стихи о музе, о ее судьбе, о ее месте в революционной борьбе и о посмертной славе...

Стихи Некрасова о назначении поэта — своеобразный кодекс идей и тем революционной, гражданственной поэзии:

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба..

Личное, лирическое начало, присутствие личности поэта ощущается в каждом произведении Некрасова, а не только в его стихах о поэзии и любви.

Некрасов расширил возможности лирики, стремясь ее всемерно сблизить с жизнью; вовлекая в поэтический обиход новые темы, новые понятия, новый словарь, Некрасов писал такие произведения, которые самим названием своим звучали вызовом сторонникам теории «чистого искусства», — «О погоде», «Газетная», «Современники». Здесь полемика с представителями теории «чистого искусства» была даже в самих названиях.

Противники Некрасова на протяжении всей его деятельности обвиняли поэта в том, что он не является подлинным лириком, что в его стихах поэзия даже «не ночевала».

На самом деле Некрасов был величайшим лириком своего времени, и он настолько расширил и обогатил возможности лирики, что в полном объеме то, что им сделано, стало понятно значительно позднее — в наше, советское время.

Его лирика раскрывается перед читателем как дневник человека, который живет большими общественными интересами, у которого всегда личное неразрывно и органически связано с общественным и который откровенно рассказывает читателю о своих переживаниях, о всех своих мыслях и чувствах, ничего не скрывая.

Некрасов всегда прямо говорил, что он любит и что ненавидит; рассказывал, что с ним происходит, как он относится к общественным событиям, к своим друзьям и недругам, как сам оценивает смысл своей жизни. В лирике Некрасова

мы всегда встречаем мотивы борьбы, стремление к действию, осуждение тех, кому, по ироническому замечанию поэта, суждены «благие порывы», но свершить «ничего не дано». И величайшее уважение к труду, и любовь к родной русской природе, и верность высоким идеалам революционных демократов, и преданность родине, своему народу, и высокий моральный пафос — отличают постоянно поэзию Некрасова, верившего в грядущую революцию.

Без этого ощущения личности поэта, без того, что он называл «лиризмом», Некрасов не представлял себе подлинно художественной литературы. Возражая Писемскому, отрицавшему «лиризм» в творчестве Гоголя, Некрасов писал в 1855 году: «Все неотразимое влияние его творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни — с прозой — характер, и притом такой русский характер!» [1]

В сочетании беспощадного обличения самых темных сторон действительности и неподдельного лирического чувства — одна из причин неизгладимого впечатления, которое оставляет любое произведение Некрасова. Так, в сатирической поэме «О погоде» после описания адской какофонии города следует исполненное глубокого лиризма обращение к столичным детям-труженикам:

[1] Н. А. Некрасов. Собрание сочинений, т. IX. М., 1950, стр. 342.

Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!

Даже в поэме «Недавнее время» (1871), которая вся состоит из резко сатирических зарисовок типичных посетителей Английского клуба из числа родовитых бездельников и чиновных карьеристов, Некрасов дает однажды волю своему лирическому чувству, когда вспоминает эпоху «надежд» конца 1850-х годов:

Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! Была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская).
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась...

В трагикомедии «Современники» застольная болтовня распоясавшихся и разоткровенничавшихся биржевых воров и железнодорожных спекулянтов вдруг прерывается бурлацкой песней. Это место в поэме Некрасова особенно поразило

критику при первом появлении поэмы в печати. Одна из газет писала: «Г-н Некрасов употребил смелый художественный прием, достойный великого мастера. Представьте себе такого рода контраст, ужасающий своей трагичностью. Представьте, что в этой зале, залитой огнями, среди роскоши и блеска, эти самые жирные подрядчики, концессионеры и биржевые игроки, после всей своей наглой, открытой похвальбы своими грабежами, сытые, пьяные, запели хором бурлацкую песню, которую некоторые из них певали в былое время в ином положении, более соответствующем:

Хлебушка нет,
Валится дом;
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое.
Плохо житье!
Братцы, подъем!
Ухнем! Напрем!..»[1]

В своей сатире Некрасов необычайно разнообразен. У него есть рассказы в стихах, маленькие поэмы, диалоги, картины и обширные панорамы уличной жизни, остроумнейшие фельетоны с неожиданными сменами тем и настроений. Все это пронизано неподдельным юмором, который Некрасов пускает в ход в тех случаях, когда

[1] В. Зелинский. Сборник критических статей о Н. А. Некрасове, ч. III. М., 1903, стр. 170.

предмет его сатиры не таков, чтобы для его разоблачения нужны были сарказм и гнев. В тех же «Современниках» один из кутил рассказывает о судебном разбирательстве, которому он подвергся за какой-то дебош:

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!»

Комизм этого рассказа — в несоответствии высокопарного официального языка судебных протоколов, всей этой тяжеловесной юридической терминологии совершенно пустяковому поводу, из-за которого нагромождается такое количество словесного сору.

«Поседевший во бдении», «сторона утверждала противная», «вопиющих», «перед вами стоит

гражданин» — все эти выражения в соседстве с такими, как «окативши ушатом помой», «что с натуги в истерику впал», «содрав гонорар», не могут не звучать комически, а следовательно, и все судебное заседание предстает как пустой фарс, как бесплодная говорильня.

Когда же поэт говорит о таких явлениях жизни, которые вызывают у него не насмешку, а негодование, сатира его, как он писал в стихотворении «Муза», «в порыве ярости» приобретает силу гневного ораторского слова:

Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»

Естественно, что такое разнообразие тем и настроений некрасовской поэзии должно было воплотиться в невиданном до него разнообразии языковых средств. Некрасов утверждал, что:

...важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

Поэтому в его поэзии практически исчезли всякие ограничения для ввода тех или иных слов, отменен был запрет для таких слов, которые в силу сложившихся традиций еще долгое время, уже в пору расцвета некрасовского творчества, считались критикой непоэтическими, невозможными для стиха. Один из критиков конца 1860-х годов выходил из себя, прочитав в сатирической поэме Некрасова следующие строки:

А звон зловещий, роковой
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал.

«Какие брюки?! — восклицал критик. — Что вы, г. Некрасов? С какой стати вы говорите о брюках?» [1]

Но поэтическое новаторство Некрасова в языке и стиле вовсе не сводилось к снижению поэтического языка вводом в него выражений и оборотов повседневного, обиходного языка — языка городской улицы, сельской ярмарки, тюрьмы, суда, биржи, передовой газетной статьи, нравоописательного очерка, исторических мемуаров, — хотя Некрасов действительно брал нужные ему слова и обороты как литературного, так и народного языка в любом случае, когда этого требовала тема его произведений.

Некрасов создал свою школу стилевых средств, подобно тому как это сделал до него Пушкин, и употреблял все свое словесное богатство в строгом соответствии с темой и целью данного произведения.

V

В 1860 году Добролюбов писал, имея в виду Некрасова, о поэте, «который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихо-

---

[1] Н. Соловьев. «Критика направлений». — «Всемирный труд», 1868, № 4.

творений Кольцова». Любовь к Некрасову и преклонение перед ним Чернышевского известны из его писем к поэту.

В. И. Ленин высоко ценил творчество Некрасова. Он писал: «Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов. . .» [1]

В. И. Ленин говорил, что в каждой библиотеке, которая ставит своей задачей социалистическое воспитание читателя, должны быть сочинения Некрасова. Ленин подчеркивал духовную близость Некрасова и Чернышевского. Он писал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского». [2]

Давая отпор буржуазной печати в ее клеветнических выпадах против большевиков, В. И. Ленин вспоминал некрасовские слова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья. [3]

Уже после победы Великой Октябрьской революции в статье «Главная задача наших дней»

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 40.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 287.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 236.

Ленин ставит эпиграфом слова Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь.

Эти слова проходят через весь текст статьи своего рода лейтмотивом: «...добиться во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал... чтобы создать действительно могучую и обильную Русь...»[1] Так писал В. И. Ленин в 1918 году.

Некрасов в своих думах о народе и родине всегда сопоставлял настоящее с будущим. Оно рисовалось ему в зримых чертах.

Вот как он говорит о преобразованной жизни и будущей счастливой России:

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало.

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 134—135.

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Некрасов, умирая, надеялся, что народ его поймет и что к его могиле придут новые читатели, что его творчество будет находить отклик в миллионах сердец в далеком будущем.

После смерти Некрасова наступила полоса упадка русской поэзии, не осталось такого большого революционного поэта, который сразу бы непосредственно подхватил знамя Некрасова и продолжал его дело. Прошло несколько десятилетий, пока появились наконец, в связи с новыми общественными условиями, те поэты, которые действительно оказались достойными наследниками Некрасова.

Такой искренний и честный поэт, как Александр Блок, который начинал как символист, а потом, под влиянием революции 1905 года, пытался порвать с символизмом, опирался на некрасовские традиции, когда выдвигал тему родины, тему возмездия «страшному миру» и тему революционного переворота. И Некрасов действительно помог Блоку, и если Блок оказался поэтом, нашедшим в себе силы и мужество понять

значение революционных событий 1917 года, если он закончил свой творческий путь созданием поэмы «Двенадцать», то во многом ему помогли традиции Некрасова, которые Блок старался усвоить.

Но по-настоящему усвоение традиций Некрасова произошло в советской поэзии, и прежде всего в поэзии талантливейшего советского поэта — Владимира Маяковского.

Владимир Маяковский на новом рубеже снова утвердил образ поэта-гражданина, поэта-публициста, поэта-политика, поэта, в лирике которого воедино сливаются личное и общественное.

Вся деятельность Маяковского исходит из этого принципа. Вся поэзия Маяковского проникнута тем пониманием задач поэзии, которое было и у Некрасова. И Маяковский, подобно Некрасову, всегда стремился соединить поэзию и жизнь, не считая, что лирика должна быть узкой, ограниченной, сугубо личной, домашней. Маяковский стремился расширить рамки лирики, давая новое содержание лирической поэзии.

Высказывания Маяковского о поэзии Некрасова и о самом Некрасове были исполнены уважения к памяти великого русского поэта.

Демьян Бедный, Михаил Исаковский, Александр Твардовский и многие другие советские поэты неоднократно говорили о своей любви к Некрасову, о большом значении, которое имеет некрасовская традиция для их творчества. Ведь это у Некрасова учился Твардовский искусству типизации, искусству создания характера, обду-

мывая образы Никиты Моргунка, Василия Теркина, деда Данилы. У Некрасова он учился пониманию народной жизни, народного творчества.

Михаил Исаковский — песенник, лирик — учился у Некрасова вниманию к народной поэзии, ее творческой переработке.

Подобно тому как Некрасову пришлось на протяжении десятилетий бороться против теории «чистого искусства», передовым советским поэтам, начиная с Маяковского, пришлось немало бороться с пережитками декадентства. И в этой борьбе за полноценную реалистическую поэзию, за реалистическое изображение действительности традиции Некрасова были тем оружием, которым и в наше время воевали против теории «чистого искусства».

Поэзия Некрасова и сейчас находится у нас на вооружении; и сейчас она продолжает волновать сердца. Образ Некрасова, великого поэта-гражданина, близок и дорог нам, советским людям.

В. Друзин

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не
желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу нá глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилося
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилося
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

1845

В ДОРОГЕ

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши,
Или что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за все благодарен». —

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка-жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной —
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,

Баит кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянство холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,

Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит,
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно ба́рченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...» —

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участья,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

1845

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темнозеленый
И перо возьмешь.

Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем, бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаюсь за нож — замирает рука!

1845

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работáл по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слыхал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь..
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, чай, пора уж тебе отдохнуть». —

«Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок».
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенек:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную
бровь?» —

«От кого у тебя перстенек золотой?» —
«Скоро старость придет, коли будешь все
знать». —
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хвать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенек...

Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок! ..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо, «держи вора!» кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь,
На печаль и страду! .. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

1846

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,

Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши подмышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты и бойки,
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный
И неребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег..
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных
и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее
дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..

Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю
простил?..

И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший
ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст
и глух:
Ни женщин, ни собак, ни га́еров, ни слуг.
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех
давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце
ныло.
Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;

При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьем,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

1846

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей, сухой и острой,
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

1846

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители — псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл, .

И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.
Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь...
Во мне опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты...

1846

ПСОВАЯ ОХОТА

> Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.
>
> *(Реутт. Псовая охота)*

1

Сторож вкруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Движутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха! .. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худе́ньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка [1] издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца-Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп[2] скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники,[3] — крикнул помещик, —
наброcь!»[4]
Борзовщики[5] разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий.[6]

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит[7] закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопомётников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

8

Ближе и лай, и порска́нье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем, —
Чудное что-то свершилося в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает [8] — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпа́зончил, [9] сам торочит, [10]

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвмя ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся.

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают [11] и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш! [12]

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты, словно ветер пустынный, летал!

Слава тебе, резвоножка-Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чу́дное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

Примечания к «Псовой охоте».

[1] *Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал* и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — *Свиреп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* — собачьи клички.

[2] Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощию этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

[3] *Банники* — название леска.

[4] *Набрасывать* — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров — отъемный лес, удобный по положению своему для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к

другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: в кучу! хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, — а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми, близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В уменьи выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. во-время показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

[5] См. примеч. 4.

[6] См. примеч. 4.

[7] *Варом-варит* — техническое выражение — употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что выскочившего зайца (называемый горячим следом), или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по-зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

[8] *Зверь отседает* — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда,

например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

[9] *Отпазончить* — отрезать задние лапы в среднем суставе.

[10] *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

[11] См. примеч. 4.

[12] *Тявкуша* — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск. — выжловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще выжлятником.

1846

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!

С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут.
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

1847

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг,
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг,
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

1847

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1847

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал: я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил:
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара:
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посек его, каналью,
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был, как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

1847

ВИНО

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И, пожалуй, — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что сталось со мной?
Я не то чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
На душе все черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Все молчал, не отведывал щей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог.

Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И, пожалуй, — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
Степанида, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик, да и девка не прочь.
Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повели
Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож
И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

8

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И, пожалуй, — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать.
«Так не будет тебе ни гроша!» —
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было не́чем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал,
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

1848

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную,
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты.
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе?
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинуешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,

И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастием зову...

А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя навеки увлекли,
И разлюбила ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастия тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

1850

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно-суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог —
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаяньи суровом...

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокий;
Встревоженный, он ищет и зовет,
    И мечется в тоске жестокой,
    И падает, бессильный, на траву...
        А няня вдруг: ау! ау!
    В нем радостью внезапной сердце бьется,
    Он все забыл: он плачет и смеется,
    И прыгает, и весело бежит,
    И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

1850

НА УЛИЦЕ

1

ВОР

Спеша на званый пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрогнув и побледнев, вдруг поднял вой
и плач.
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городовой, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

2

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И все просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.
Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

ГРОБОК

Вот идет солдат. Подмышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитятко,
То и дело говорилося:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилося?»

4

ВАНЬКА

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир, и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья...

1851

МУЗА

Нет, Музы, ласково поющей и прекрасной,
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
В усладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,

Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
Все слышалося в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: мщение! — и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.

Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

1851

НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой —

И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо! .. С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...

1851

В ДЕНЬ СМЕРТИ ГОГОЛЯ

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

1852

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроворная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу, неподвижен как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,

Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознанье бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

1852

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти,
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много-много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,

Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

ПАМЯТИ АСЕНКОВОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...

Я помню: занавесь взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз
Как светлый день явилась.

Театр гремел: и дилетант
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом...
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с неуспехом!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы, —
Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздохи театралов —

Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить решились клеветой
Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И все заговорило вдруг...
Посыпались упреки,

Стихи и письма, и подруг
Нетонкие намеки...

Душа твоя была нежна,
Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознаньи светлой красоты
И творческого чувства
Восторг толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Пронзителен и ясен;

Пылали щеки; голос стал
Богаче страстью нежной...
Увы! театр рукоплескал
С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
Но до конца, как прежде,
Твой голос, погасая, пел
О счастьи и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет?..

1853

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, постылы,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум, —
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот,
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом все чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:

Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Все мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, уныла,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

2

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть занялась заря;
Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;
Боролся я, один и безоружен,
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
И снова шел, собрав остаток сил.
Все ближе и знакомее дорога,
И пройдено все трудное в пути!
Главы церквей сияют впереди —
Недалеко до отчего порога!
Насмешливо сгибаясь и кряхтя
Под тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды бледное дитя,
Голодный труд, попутчик мой лукавый,
Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
Настанет утро — солнышко осветит
Бездушный труп; все будет решено!
И в целом мире сердце лишь одно —
И то едва ли — смерть мою заметит...

3

Пышна в разливе гордая река,
Плывут суда, колеблясь величаво,
Просмолены их черные бока,
Над ними флаг, на флаге надпись: «Слава!»
Толпы народа берегом бегут,
К ним приковав досужее вниманье,
И, шляпами размахивая, шлют
Пловцы родному берегу прощанье, —
И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокий,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный, —
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

1853

ПАМЯТИ ПРИЯТЕЛЯ

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

1853

ФИЛАНТРОП

Частию по глупой честности,
Частию по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиянтскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию, —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь пó миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения:
Подвели — и упекли!

Совершилося пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, изведали,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали,
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.
Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски-незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко Двору,
Не звездою станиславскою,
А любовию к добру.
О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.

Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.
Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя, —
Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Все как следует разведали
И в столицу поскорей.
Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил — я в нумера...
Вся семья моя угоднику
В ночь молилась. Со двора

Вышел я чем свет. Дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю, словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Не велик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»
Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идут — остановилися.
Я сробел, чуть жив стою;
Замер дух, виски забилися —
И забыл я речь свою!
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь околесицу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули.
«Что вам нужно?» — говорят.

«Нужно мне...» — Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Все, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Все я вспомнил, все прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В лоб ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!..

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,

Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

1853

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, Comte de Garansky. 8 vol. in-4°. Paris. 1836)[1]

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали
взяток —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья

---

[1] Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж. 1836.

Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь, я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сюртуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими:
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы реинской, но только не
с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, все клонит
выю,
Но все ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь, —
Я славно ел и спал, подьячим не дал штрафа...

Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титлом
графа! ..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, сиятельную совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно, живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?» —
«Помещика. . .» — «Что, добр?» — «Нешто,
хороший барин,
Да только. . .» — «Что, мой друг?» — «С тяжелым
кулаком,
Как хватит — год хворай». — «Неужто? вот
татарин!» —
«Э, нету, ничего! маненичко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним. . .» —
«А что?» — «Да сделали из барина-то тесто». —
«Как тесто?» — «Да в куски живого изрубил
Один мужик. . . попал такому в лапы. . .» —
«За что же?» — «Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать
шляпы». —
«Как так?» — «Да так, сударь, чуть женится
мужик,

Веди к нему жену; проспит с ней перву ночку,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того... А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть — домок на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку». —
«Как, что ты говоришь?» — «А то, что
в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, судырь, мужичкам какое разоренье!»

Ну, словом, все одно: тот с дворней выезжал
Разбойничать, тот затравил мальчишку,
Таких рассказов здесь так много я слыхал,
Что скучно наконец записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. кричат: «Довольны всем!» —
«И управляющим?» — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...

Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал все лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то, чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною. . . . . . .

1853

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

1854

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткою ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

1854

ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще все неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,

И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол,
И сбирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки-Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит,
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной..

1854

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Все ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
    Беззащитного певца...

1855

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои, — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

1855

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь.
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел?

1855

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальных
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище.
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;

Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Все, что я видел, что я знал,
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В московском университете;

Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденьи прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектеру,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на север перебрался...

Тогда все глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...

В бореньи пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличеньи зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,

В забвеньи истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг —
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)

Сказать полезного успел
И, может быть, бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру —
Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;

За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Невелико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

1855

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив, —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

1855

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он неглуп, не беден и хорош;
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастью!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

1855

СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядах;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
За нужное счел обокрасть
И в практику бросился новую —
Запрягся в питейную часть.

Потом. . .»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах, —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

1855

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером —
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.

Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой землице
У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

5

Наконец однажды середи дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

1855

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори! .. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила,
Поправлю все, все смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! Близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

1855

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особливо
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

1855

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

1855

КНЯГИНЯ

Дом—дворец роскошный, длинный, двухэтажный,
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Всё ей даровали случай и природа.
Только показалась — и над светским миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоит —
Если и погибнет, торжество удвоит!
Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,
Иль кругом все было страсти недостойно,
Только ни однажды в молодые лета
Грудь ее любовью не была согрета.
Годы пролетали. В вихре жизни бальной
До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня... Тут супруг скончался...
Труден был ей траур, — доктор догадался
И нашел, что воды были б ей полезны
(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,
Быть ему в Париже — так судьбам угодно!
Год в столице моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
В доктора-француза — и сама дивилась!
Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое... Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья... да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали:
Немец-управитель без большой печали
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
Земли, лес и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу...

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — всё пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня... и тот год тяжелый
Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальной словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,

Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом с ее гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

1856

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

1856

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1856

ТУРГЕНЕВУ

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен
И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен. —
Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь,
В душе твоей проснется живо
Все, чем терзает прихотливо
И награждает нас любовь —
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее?.. Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой...
Счастливец! из доступных миру

Ты наслаждений взять умел
Все, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру,
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной...

1856

«Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал;
Ты не однажды предсказал
Конец велеречивой сшибки,
И слово «русский либерал»
Произносил не без улыбки.
Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куска.
И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.

И правда: пес был сыт и жирен,
И спал все, дворнику назло.
Теперь... теперь твой круг обширен!
Взгляни: богатое село
Лежит, обставлено скирдами,
Спускаясь по горе к ручью,
А избы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,
Такими мыслями случайно
Был Решетилов осажден.
И побледнел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
Увы! не наше поколенье
Его по совести решит!

1856

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин
(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: вишь куда метнул!
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин

(читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт

(с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!.

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны.
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сияньи спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет и мачту клонит, —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!

Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,

Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной.
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупрёчно.
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещих струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоем труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,

А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын. —

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!..
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он как свои на теле носит
Все язвы родины своей.
. . . .
. . . .
Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же, но молчу... Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоем сравненьи смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:

Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Немудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки,
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!

Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попрал
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,

Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

1856

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

ТИШИНА

1

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни за́мков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом, ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою,
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю

Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки,
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,

Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, —
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И все минуло... все молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!

Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой —
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом,
И вместо камня намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...

Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка все летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост.. оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день

Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

1857

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Все не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим.
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,

Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «Мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...
. . . .
. . . .

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить
Рядом с ней?!.» И отхлынули прочь...
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастия дочь!
Свет тебя предает поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,

Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Все, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
Разве ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:

«Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, нетрудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастию, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды,
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,

Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоем экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоем!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений,
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:

Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

1857

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу как вихорь из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1857

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!

Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты
не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его бог!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя,
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...

Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурла́ки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,

Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

(ОТРЫВОК)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятья о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
«Няня! дай-ка мне дитя!» —

«На, родной! да ты откудова?» —
«Я проезжий, городской». —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!» —

«Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней

В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

Что ты, сердце мое, расходилося?..
  Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
  Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
  Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
  Добрым словцом.

1860

НА ВОЛГЕ

(ДЕТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА)

1

. . . .
. . . .

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, все село
Прошел — нигде не повезло!

Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, — говорил я жизни той, —
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,

Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащáт с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,

Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

8

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острову, среди песков,

И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Все то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню! ..» Догнал, поймал —
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной

Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темноголубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —

Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью...» — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога — он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —

Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.

Так заметается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «Раз да два!»
С болезненным припевом: «Ой!»
И в такт мотая головой...

1860

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую по́ру малолетства
Все живое сча́стливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:

— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1860

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Все он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость... В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,

Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
        Жизнь оборвалася.

1861

Что ни год уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней . .
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
  Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
  Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
  Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
  В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
  Его я узна́ю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
  Чу! шепот опять!

П е р в ы й г о л о с

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко, — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого сто́ит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — «Услышит,
молчи!»

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;

Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!

Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастие было,
Что волосы из носу шибко росли. . .»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ. . .

Ух, жарко! . . До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра. . .
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко.

А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...
Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Все беленький, желтенький, бледнолиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!

Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,

Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!» —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?» —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...» —
«Так вон оно что! А как звать тебя?» —
«Власом». —
«А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —

Все, все настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй! воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла;
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!

Командуют сами! — «Фингалка, умри!» —
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов! . Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,

На лицо непробудно спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что́ ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит —
«Чу! — кричат наши детки проворные. —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет, любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовию!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье? . .

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

1861

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи не спи — валяйся по́ печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до́ поту,
День придет — работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до́ неба,
Как деревья бы валилися:
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрилися!

1861

О! зачем с этой головою не стал ты другом бедных и опорой покинутых всеми?

Диккенс

Ты, как поденщик, выходил
До света на работу,
В глаза ты правду говорил
Могучему деспóту.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

А ныне стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юности ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Удары направляешь.

В среде всеобщей пустоты,
Всеобщего паденья
Какого смысла ищешь ты,
Какого примиренья?

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто носит истину в груди,
Кто честно любит брата —
Тому с тернистого пути
Покуда нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода! ..

1861

СВОБОДА

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

1861

20 НОЯБРЯ 1861

Я покинул кладби́ще унылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои. . .

1861

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ[1]

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, все зелено:
И воздух и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

[1] Так народ называет пробуждение природы весной.

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;

А рядом — новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

1862

Литература, с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! русская долюшка женская!
    Вряд ли труднее сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
    Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
    Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
    Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
    Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
    Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
    Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
    Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
    Канут они — все равно!

Вот она губы свои опаленные
    Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
    С кислым кваском пополам?..

1862

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

•

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка, —
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;

Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняет ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что как иней к земле прилегли, —
Все отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —

Видишь — дремлет на старой ели!
Все, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов —
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи кто может — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шума,
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
        На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...
В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,

Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведренном дне.

Звук за звуком, гудя, прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,

В балахоне убогом и темном...
Все, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — все живет предо мной,
Все так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты не дрогнув удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.

О, прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? Пусть клевещут язвительней,
Я пощады у них не прошу,

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет, —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце не робкое билося,
Что умел он любить...

. . . .

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть

И великое чувство свободы —
Все в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Все, что в сердце кипело, боролось,
Все луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись — о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

1862

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! — кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1863

КУМУШКИ

Темен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулися с ним,

Сын да девóчка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревмя ревели; а тятька молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулися дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка,
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка, —

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?»
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь, — прибавила Власьевна, —

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке!
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки! ..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный! ..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятька не спал,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

1863

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

1863

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю».
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...

И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелко́вые...»

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?» —

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!»
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил что было голосу
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,

Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль, стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше! ..» Вижу — задыхается,

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение? ..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася! ..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предиконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная! ..

1863

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...

Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты,
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

1864

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня
(в кучерском армячке)
Папаша! Кто строил эту дорогу?

Папаша
(в пальто на красной подкладке)
Граф Петр Андреевич Клейнмихель,
душенька!
Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом.
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,

Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители,
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
— Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот наш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!» —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...» —

IV

Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нештó... молодцá!.. молодцá!..

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
        Нарисовать, генерал?..

1864

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листы,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять! ..

1864

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп.
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.

«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именует себя иногда
Путеводной звездою прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о Гомер и Овидий! —
До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполаты!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино* и *свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?

Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат.
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная *«вральней»*,
Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;

В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шепот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий...

Да! Но все-таки грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумев,
Мы решились при нем оставаться.

Примиритесь же с музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
Чтоб спасти бедняка-мужика,
Посылал ты — нелепое барство!
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух:
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали.
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:

Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партенеров найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В óны годы служил он в цензуре
И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
Что изволили вы отыскать?» —
«Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,

Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил):
Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках
Председатель отставку мне дал.
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его, подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:

Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной.
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер*!
(Так он вредную мысль называл.)

Но зато, если дельны и строги
Мысли — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, скверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел? —

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (Да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых, — обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть — общий порок, говорят! —

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел: —
Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: «Равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы: «ра — душно»
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: «В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет»,
«Речь идет о сардинских владеньях» —
Поясню, и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжкой родился,
Сам имею детей, я не зверь!
Дети! дети! (старик омрачился).
Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтенья к святыне!
Спорю, спорю! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?» —

«Нигилист — это глупое слово, —
Говорит, — но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит живиться чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить, —
Так пожалуй — зови нигилистом,
Отчего и не так!» — «Каково?
Что прикажете с этим артистом?
Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...» —
«Что чины? — говорит, — ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время. —
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя?): —
Там мне скажут: ты сын палача!» —
Тут невольно я голос возвысил. —
«Стой, глупец! — я ему закричал, —
Я на службе себя не унизил,
Добросовестно долг исполнял!» —
«Добросовестность милое слово, —
Возразил он, — но с нею подчас...» —
«Что, мой друг? говори — это ново!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: — «Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда

Добросовестен. . .» — Вот как! .. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я? .. о боже! . .»

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участьем сказал. — Без цензуры
Начитался он, видно, статей?» —
«И! как можно! . .»
Тут нас перервали.
Старец снова газету берет...

. . . .

1865

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез, —
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл, —
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он уж непрочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
«Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?» —

«Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,

Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..»

II

НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смиренный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

«Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.

Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,
И красные чернилы
Потоком полились!

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —

Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья невелика,
Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот наконец и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыщешь —
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,
Не так уж бестолково,
Авось, пойдут дела!»

Хор

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!..

III

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылок!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..),
И, как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
Для песен этой лиры —
От типографского станка
До цензорской квартиры!

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.
«Теперь нас ждут простор и слава!» —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал! [1]

---

[1] Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа.

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполо́шил всю цензуру,
Таскали даже ко Двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог? .. скажите! ..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

VI

ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе.
(Где же берут на вино?)
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох! этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!

Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев,[1]
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,

---

[1] Тогдашний министр внутренних дел.

Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой-сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цыфирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов,
Да «как-нибудь», да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

8

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, —
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «Вы лжете!» —
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Все пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать, —
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над Западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах.
Точно ли вышел запрет,
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?

Что́ — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковский,
И невелика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,

Если ж военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
Тронуто там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикий,

Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака, —
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа! ..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!

За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские землицы
Федосеев приобрел.
В свете это все бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность, —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Все не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.

Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки.
Ну — а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье.
Вдруг: «Пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

VIII

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две-три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девица в девятнадцать лет
Не замечтается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещенья!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

1865

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест:
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,

Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?).
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись, при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравняло —
И великих и малых людей,
И на каждом челе начертало
Надпись: *где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,

Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы все населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Недешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по ба́лам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,[1]

[1] Хозяева английского магазина.

Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!).
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,[1]
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурея с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают, и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

---

1 Известные модистки.

Да! трудненько и даже обидно
Жить, — такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..
Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье

Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, — чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Все погибло — и деньги и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевесть!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой,
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед нехорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)

Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступленье:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!)
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...» —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«*В стремленьи к идеалу*
Дурного, впрочем, нет.

Не все ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль

Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час,
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель! .. «Фора! bis!»

Bis! .. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака? ..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Все — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!

Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Все слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —

В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных,
Много тянется поездов длинных..

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропою:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели.
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,

Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь! ..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до́ сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты, кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать? ..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее?
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое? ..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

1866

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял;
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастного к позорному столбу.

1866

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего.
Знает, где люди: и куплю и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе все, что полюбится, — нá! —
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова

Больно лакома —
На грош два́ кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко дево́чку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!

Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо! . .»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете! . .» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь — бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!

Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей, утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
   По буквари!
   По буквари!
   Хватай — бери!
   Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили.
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.

Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
  Экой старик! Видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

Нáтко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну, и летит, — ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут, сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до́ суши вехи поставили», —
Это он слово сказал!
Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.
На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщичок обратный;

Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!» —
«Что ты? с мишкой?» — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!» —
«Ну садитесь!» — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит — нет ребят.
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;

Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая:
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах,
Бедные, отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.

Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит — ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом гу́ба,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю? . .»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!

Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»
Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут не гоже!
Собрался честной народ,
Все село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

1867

(Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»)

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?

Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет;
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

1867

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(Из «Медвежьей охоты»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Все ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуды!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,

Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

1867

ПЕСНЯ

(Из «Медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый —
Корабли мне снятся.
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,

Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалей ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спастись цветочку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

1867

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех рожденных в двадцать пятом
Году и около того
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

1867

ЭЙ, ИВАН!
(ТИП НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО)

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сюртучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден, да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет. . .

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай что дают:

Шьет, кует, варит, строгает,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,

Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?» —
«Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял!» —
«Весь-то день?..» Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
«Виноват!» — порядком струся,
Говорит Иван. —
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?» —

«Так, под сердце подступило».
    И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
    Верного слугу,
Все равно — помру с печали,
    Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
    Петли не снимать...»
Сам помещик выслал водки
    Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
    Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
    Кто меня назвал!..»

Как мертвецки накатили,
    В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
    Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
    Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
    Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
    У своих господ,
И совсем от рук отбился,
    Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу урода —
    Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
    «С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
    Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
    Где ты?.. Эй, Иван!

1867

С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте,
детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!» —
«Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником?» —
«Ну, не беда!
И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена́.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щец». —
«Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец!» —

«Ну, и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала, —
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин, и хлебушка
нет?..» —

«Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!» —
«Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

1867

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь родятся?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощáженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,

О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

1867

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Все лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает? —
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?

Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?
Ответа нет. Бушует вьюга.
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

8

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?
Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка все гремит,
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?
    Ответа нет. Бушует вьюга,
    Вся тройка в сторону с испуга
    Шарахнулась. Озлясь, кнутом
    Ямщик по всем по трем стегает;
    Телега скрылась за холмом,
    Мелькнула вновь — и улетает,
    Куда Макар телят гоняет!..

1867

*

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И, между тем как, шумны и резвы,
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

1868

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколькие пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

1868

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
      Всю расплещи!..

1868

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — «А леший?» —
«Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь — никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили, —

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов.
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?» —
«Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь套слежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею!» —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,

Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть? .. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами.
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я. — Не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»

Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко, что делает старый Мазай!»
Ладно! Любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и ку́сты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;

Вынес я их на лужок: из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая — линяет косой...»

1970

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Все кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

1873

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем эта́же раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1874

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! где все твои усилья?
Разум! где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром, не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,

Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

1874

УНЫНИЕ

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел, — как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда «Кадо» [1] бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив «Черкеса», [2]
Спущу курок — и птица упадет.

---

[1] Собака.
[2] Лошадь.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, — и тем я дорожу.
Я *сам себя,* читатель, *нахожу,*
А это все, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом, по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитываться строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! Он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волненье
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел», —
Я говорю, с ним жизнь мою читая.
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во все свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою — найти итог желаю, —
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути, утоптанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,

В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт,
И знаешь ты: во мне нет сил героя —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь спопутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.

Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Невесел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям невесело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь,
Он не бежит проворно на огонь.
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым.

XII

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал все реже, все слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле,

И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

XIV

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе — плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,

Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы?..

XV

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

1874

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Merci! [1]

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — «Нет ни
ковриги!» —
«Где у вас скот?» — «От заразы подох!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей

---

[1] Спасибо (франц.). — *Ред.*

Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать
в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

1874

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

1874

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(ПРОРОК)

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

1874

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(Волжская быль)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой, —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — «Бабайский» монастырь,
Село «Большие Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;

Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра;
Все весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,

А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход,
Бежит и искры мечет;

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь! . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки;
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! А «сударки»
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны,

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

V

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов,
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи и чешуйки.
В личных, высоких сапогах,
В солидной синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расходившись, обивал
«Смоленую головку».

— Ну, как делишки? — «В барыше», —
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Все лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепи.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного...)

VI

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А пообедав, продолжал
Обычные занятья.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть? —
«Пожалуй. . .» Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое, как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».

И доброй ночи пожелал
И молодцу и Тане.

В своей коморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду (думает Наум),
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи,

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великий!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел, —
Он думает уныло. —
А кто мне в очи так смотрел?..»
И все ему постыло...

1874

ЭЛЕГИЯ

(А. Н. Еракову)

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна, —
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее смогли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...

«Довольно ликовать в наивном увлеченьи, —
Шепнула муза мне. — Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы, —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

1874

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1874

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

I

СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

II

ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно
Мыслям — просторно.

1870-е гг. (?)

ВСТУПЛЕНИЕ
К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победи,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

1876—1877

Дни идут... все так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

1876—1877

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
        Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
        Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
            Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
            Русский народ...

1876—1877

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
    Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
    И не забуду о нем.
Все население, старо и молодо,
    С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
    Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
    И сокрушенней видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
    Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
    О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
    О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
    И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
    Молимся, боже, тебе».

1876—1877

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

1876—1877

ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

1876—1877

МУЗЕ

О Муза! Наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

1876—1877

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1876—1877

ЗИНЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

1876—1877

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ;
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

1877

Есть и Руси чем гордиться, —
С нею не шути!
Только славным поклониться —
Далеко идти.

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей.

1877

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: — Умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

1877

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит,
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется — в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцаньи народных страданий
И в сознаньи бессилья — умри!..

1877

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и все, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что́ добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

1877

ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким по лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! .. Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не лежится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,

Что за нами на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

1877

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Нерусский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

1877

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящее издание вошло более половины стихотворных произведений Некрасова.

При размещении по томам сделано несколько отступлений от общепринятого порядка, при котором вперемежку печатаются и поэмы и небольшие стихотворения — лирические фрагменты, в то время как издания других поэтов следуют правильному принципу отделения поэм или драматических произведений от лирических стихов.

В 1-м томе собраны стихотворения лирического и сатирического характера, во 2-м — поэмы, в 3-м помещена поэма «Кому на Руси жить хорошо».

Внутри 1-го и 2-го томов соблюден хронологический порядок, за одним исключением: обе части большой сатирической поэмы «О погоде» печатаются нами *вместе,* а не отдельно — по годам написания — как это делалось раньше.

В основу издания положен текст последнего и наиболее авторитетного издания: Н. А. Некрасов. Сочинения, т. I—III. М., 1954. Редакция, примечания и вступительная статья Корнея Чуковского.

Все немногочисленные отступления от приня-

того в этом издании текста оговорены в примечаниях.

При составлении примечаний использованы комментарии основных изданий Некрасова. Примечания в тексте, кроме оговоренных, принадлежат Некрасову.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Современная ода. Некрасов высмеивает в этом стихотворении жанр похвальной оды, сохранявшийся еще у поэтов реакционного лагеря.

В дороге. *Варган* — здесь, очевидно, фортепьяно. *Вальяжный* — барственный, холеный. *Перебрал по ревизии души* — проверил наличие всех мужчин-крепостных. *И с запашки ссадил на оброк* — заменил своим крепостным обязательную обработку барской земли ежегодной уплатой денежного обложения — оброка. *Посадили на тягло.* — Тяглом называлось до 1861 года крестьянское хозяйство, двор, семья из мужа, жены и детей. Посадить на тягло — выделить крестьянину, достигшему совершеннолетия, участок, дать ему самостоятельное хозяйство. При выделении на тягло крепостных обычно женили, не считаясь с их желанием.

«Когда из мрака заблужденья». Стихотворение это замечательно как одно из первых в русской поэзии проявлений сочувствия к женщине, сломленной гнетом общественных условий.

Колыбельная песня. Некрасов использовал форму очень известного уже в то время стихотворения Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1840). *Фрак темнозеленый* — чиновничья форма была темнозеленого цвета. *Я благонамерен.* — Благонамеренностью называли в то время приверженность к существующему строю. Для Некрасова благонамеренность — синоним подлости.

«Я за то глубоко презираю себя». Стихотворение это при жизни Некрасова печаталось под названием «Из Ларры». Мариано Хосе де Ларра (1809—1837) — испанский писатель-сатирик, борец против реакции и обскурантизма, защитник политической свободы и просвещения. В действительности стихотворение «Я за то глубоко презираю себя» целиком принадлежит Некрасову. На полях последнего издания своих сочинений Некрасов написал: «Неправда. Приписано Ларре по странности содержания».

Огородник. В этом стихотворении Некрасов воспроизвел часто встречающийся в народных песнях рассказ о любви холопа (крестьянина) и барской дочери. После перепечатки в «Собрании стихотворений» Некрасова 1856 года вошло в народный песенный обиход. *Кистень* — старинное ручное оружие, короткая палка, на одном конце которой подвешивался тяжелый металлический шар, а с другого конца имелась ременная петля

для надевания на руку. Носился в рукаве. *Вахлак* — неуклюжий, грубый, неотесанный.

Тройка. Уже в пятидесятые годы XIX века вошло в песенный обиход и печаталось во всех песенниках. *Корнет* — первый офицерский чин в кавалерии до 1917 года.

Родина. В первых изданиях носило название «Старые хоромы (Из Ларры)». (См. примечание к «Я за то глубоко презираю себя»). Жизнь и судьба его матери Елены Андреевны изображены Некрасовым в стихотворении «Родина» в полном соответствии с действительностью. «Мать Николая Алексеевича можно назвать страдалицей, потому что она терпела все от мужа — даже терпеливо иногда сносила и побои», — рассказывает одна старушка, долго жившая в доме Некрасовых. *Гаер* — шут.

Перед дождем. *Таратайка* — двухколесная тележка. В таких таратайках возили в те времена политических заключенных.

«В неведомой глуши, в деревне полудикой». В прижизненных изданиях печаталось с подзаголовком «Из Ларры» (см. примечание к «Я за то глубоко презираю себя»). Незадолго до смерти Некрасов написал на полях против этого стихотворения: «Подражание Лермонтову. Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»).

Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности. Был влюблен и козырнул». В этом стихотворении, действительно, есть отголоски монологов Арбенина из III сцены 1-го действия «Маскарада».

Псовая охота. Для крестьянских полей псовая охота была подлинным бедствием; она часто причиняла крестьянам большие убытки. Непосредственным поводом к написанию «Псовой охоты» могло быть одновременное появление в печати двух сочинений о псовой охоте. В одном из них, в книге Н. Реутта «Псовая охота», Некрасов взял эпиграф, предпосланный всему стихотворению. *Венгерка* — куртка с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами для застегивания. *Арапник* — кнут для хлопанья на псовой охоте. *Забойка* — собачья болезнь от мясной пищи. *Опекунский совет* — учреждение, которое под залог помещичьих имений выдавало денежные ссуды. Помещики обязаны были выплатить ссуду по частям в определенные сроки. В случае неуплаты заложенное имение отбиралось у помещика и переходило в собственность Опекунского совета. *Крез* (VI в. до н. э.) — царь Лидии (в Малой Азии), по преданиям, был несметно богат.

«Еду ли ночью по улице темной». «Еду ли ночью. . .» стало широко распространенной народной песней.

«Вчерашний день, часу в шестом». Напечатано впервые в 1892 году. *Сенная* — площадь в Петербурге, на которой по приговору суда публично наказывали. *Кнут* — орудие наказания, употреблявшееся в России до 1845 года; состоял из короткой деревянной рукоятки и короткого кожаного столбца, к которому привязывался хвост, сделанный из широкого ремня толстой сыромятной кожи, выделанного желобком и загнутого на конце ногтем. Каждый удар такого кнута пробивал кожу, кровь лилась ручьями, кожа отставала вместе с мясом. Часто наказанный кнутом умирал.

«Да, наша жизнь текла мятежно». Обращено к А. Я. Панаевой, находившейся в то время за границей.

На улице. Замысел этих сцен народной жизни совпадает по теме и настроению с «Капризами и раздумьями» А. И. Герцена, которые Некрасов напечатал в 1846 году в изданном им «Петербургском сборнике». Слова Герцена: «Когда я хожу по улицам... на меня находит ужас· за каждой стеной мне мерещится драма» — повторены Некрасовым в четвертом стихотворении. В стихотворении «Гробок» Некрасов следует за стихотворением Пушкина «Румяный критик мой» (впервые напечатано в 1841 году), в котором Пушкин защищал право поэта на изображение самых мрачных сторон народной жизни. *Подчасок* — помощник будочника. *Ванька* — легковой извозчик

на крестьянской лошаденке и с плохой упряжкой, который не стоит на извозчичьей бирже, а поджидает ездоков по улицам.

Муза. Образ своей музы Некрасов воссоздает в стихах, по форме своей живо напоминавших читателю 1850-х годов широко известное стихотворение Пушкина «Муза».

Новый год. Н. Г. Чернышевский вспомнил это стихотворение, когда писал в Петропавловской крепости роман «Что делать?» В конце предпоследней главы «Новые лица и развязка», непосредственно перед главой «Перемена декорации», где уже идет речь о совершившейся революции, «дама в трауре» поет:

«Да разлетится горе в прах!

и разлетится, —

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца, —

так и будет — это видно».

В день смерти Гоголя. 21 февраля 1852 года умер Н. В. Гоголь. Под свежим впечатлением этой невосполнимой потери для русской литературы Некрасов написал стихотворение, где высказал свой взгляд на значение Гоголя в русской литературе и на задачи демократического искусства. При этом он исходил из сравнения

двух типов писателей, которое дано Гоголем в VII главе I тома «Мертвых душ». Однако Некрасов дает свое толкование назначения писателя. Если Гоголь говорит о смелости писателя, «дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь», то у Некрасова его поэт-обличитель не довольствуется только неумолимо правдивым изображением действительности: он судит жизнь и своей «карающей лирой» беспощадно разоблачает и казнит «врагов суровых». Некрасов хотел назвать свое стихотворение «Памяти Гоголя», но цензура не разрешила, так как правительство Николая I не хотело, чтобы в печати говорилось о значении Гоголя как великого народного писателя. К. И. Чуковский, на том основании, что в последнем прижизненном издании 1877 года стихотворение названо «В день смерти Гоголя», принимает это как авторский заголовок.

Застенчивость. По свидетельству современников, Некрасов в молодости был чрезвычайно застенчив в обществе.

Памяти Асенковой. *Асенкова* Варвара Николаевна (1817—1841) — талантливая водевильная артистка Александринского театра в Петербурге. В. Г. Белинский писал в 1840 году об одном из выступлений Асенковой: «Отличительный характер игры г-жи Асенковой состоял в смелости, свободе, непринужденности, обдуман-

ности и искусстве...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1901, стр. 125). Подготавливая новое издание своих сочинений, Некрасов сделал возле этого стихотворения приписку: «Актрисе Асенковой, блиставшей тогда. Бывал я у нее; помню похороны, — похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина. Теперь таких вообще не бывает». Как видно из этой записи Некрасова и других воспоминаний современников, похороны Асенковой были своеобразной демонстрацией протеста. *И ты на сцену в первый раз...* — Асенкова в первый раз выступила на сцене в 1835 году в роли одалиски Роксаны в комедии-водевиле Фавара «Солиман, или Три султанши». *Дилетант* — любитель. *Отмстить решились клеветой бездушные невежды.* — Асенкова умерла от скоротечной чахотки; современники считали виновником ее болезни и смерти Николая I, притязания которого Асенкова отвергла.

Последние элегии. В 1853 году Некрасов был серьезно болен, считал свою болезнь смертельной и потому предполагал, что это будут его последние стихи. *Алчба* — голод.

Памяти приятеля. Написано в связи с пятилетней годовщиной смерти В. Г. Белинского. Так как с 1848 года до 1855 упоминать о Белинском в печати было запрещено, то Некрасов напечатал это стихотворение сразу после смерти Николая I, в марте 1855 года, при первом ослаблении цензурных строгостей. Могила Белинского

была забыта и отыскана вновь только в 1860 году.

Филантроп. Повидимому, непосредственным поводом для создания этого стихотворения Некрасова послужила деятельность великосветского благотворительного «Общества посещения бедных», председателем которого состоял писатель, князь В. Ф. Одоевский.

Отрывки из путевых записок графа Гаранского. Во всех изданиях Некрасова до 1927 года строки о расправе крестьян с помещиком-угнетателем заменялись точками. *Немецкий сюртук* — здесь *немецкий* в значении барский, не крестьянский. *Выя* — шея. *Подьячий* — писец при суде, вообще чиновник.

Влас. По воспоминаниям А. Я. Панаевой, «Некрасов написал стихотворение «Влас» после свидания с одним из бывших крестьян его отца, который был сдан в солдаты, вернулся на родину после продолжительного срока своей службы и, не найдя в живых никого из своего семейства, посвятил остаток своей жизни на собирание пожертвований на построение церкви. Его занесло в Петербург, и он пришел к Некрасову повидаться с ним, сыном своего бывшего помещика. Некрасов долго беседовал со стариком, попивая с ним чай». Болезненный бред Власа дается в стихотворении в образах широко распространенных тогда в народе картин на религиозные

темы. *Вериги* — железные цепи, на которые подвешивается медная икона. *Скорпия* — скорпион, ядовитое насекомое.

Маша. *Казенный сундук* — государственное имущество. *Опасные науки.* — Опасными считались в последние годы правления Николая I все общественные науки; преподавание философии, например, было совершенно запрещено. *Безгрешные доходы* — ироническое название взяток. *Либерал* — здесь обозначает человека передовых, прогрессивных взглядов на общественные обязанности.

В. Г. Белинский. Впервые напечатано в «Полярной звезде» (1859) Герцена в Лондоне, так как в России это стихотворение не пропустила бы цензура. Только в 1881 году, после смерти Некрасова, стихотворение «В. Г. Белинский» было напечатано в России. Биография Белинского у Некрасова передана верно, за исключением того, что отец Белинского умер, когда сыну было 25 лет, а из университета Белинского исключили за его бунтарскую трагедию «Дмитрий Калинин». *Назад тому семь лет* — в 1848 году. *Плебей* — человек из низшего сословия, не дворянин. *Один ученый человек колол его неоднократно* — критик-реакционер, М. П. Погодин, в журнале «Москвитянин». *Пришла охота прожектеру... обширный основать журнал.* — Литератор А. А. Краевский в 1839 году стал владельцем журнала «Отечественные записки»; успех у читателя и распро-

странение журнал получил только благодаря сотрудничеству Белинского (1839—1846). *На север* — в Петербург. *Два задорных поляка* — редактор реакционной газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгарин, правительственный шпион, и редактор журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский, автор пустых, безидейных фельетонов, охотно читавшихся в чиновничье-дворянской среде. *Новый гений* — Гоголь. *И прокричал врагом отчизны* — Булгарин писал в III Отделение (тайную полицию) доносы на Белинского. *Но поднялась тогда тревога в Париже буйном* — революция в феврале 1848 года. *Созвали целый комитет.* — 2 апреля 1848 года Николай I утвердил особый негласный комитет, в состав которого входили барон Корф, Д. П. Дегай и Д. П. Бутурлин. Председателем был назначен Бутурлин. Задачей комитета был «высший надзор в нравственном и политическом отношении за духом и направлением нашего книгопечатания». Бутурлин считал необходимым закрыть университеты, как рассадники революционных идей. *Том истории твоей.* — Д. П. Бутурлин был автором «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» (СПб., 1837—1838). Декабрист Волконский, участник войны 1812 года, писал об «Истории» Бутурлина, что «история его, большей частью, кроме искажений многих обстоятельств и событий, есть панегирик живым, в силе при дворе состоящим во время редакции его записок, и очень часто хула несправедливая о тех, которые были в немилости или от которых,

как от умерших, не ожидал он себе поддержки и не боялся возражения» (С. Г. Волконский. Записки. СПб., 1902, стр. 80). *И тюрьму враги пророчили ему.* — Тургенев говорит в своих воспоминаниях: «...Какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии... От тяжких испытаний избавила его смерть» (И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском. Сочинения, т. XI. Л.—М., 1933, стр. 400).

«Внимая ужасам войны». Написано под впечатлением событий Крымской войны.

Секрет. *Юфть* — бычья или коровья кожа, особым образом выделанная на чистом дегте. *Анна* — орден святой Анны, существовавший в России до 1917 года.

Забытая деревня. Появилось в печати вскоре после смерти Николая I (умершего 3 марта 1855 года) и было воспринято современниками как изображение состояния тогдашней России. *Бурмистр* — поставленный от помещика над вотчиной староста из крестьян. *Цугом* — запряжка в две или три пары лошадей гуськом.

«Замолкни, Муза мести и печали!» Стихотворение это Некрасов напечатал самым последним в конце первого издания своих «Сти-

хотворений» 1856 года, как итог определенного периода своего творчества.

Княгиня. Некрасов рассказывает действительную историю русской графини Воронцовой-Дашковой (1818—1856). *Да в строфах небрежных русского поэта* — стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» («Как мальчик кудрявый, резва, нарядна, как бабочка летом»).

Школьник. *Архангельский мужик*— М. В. Ломоносов, уроженец Архангельской губернии.

«Самодовольных болтунов». *Решетилов.* — Фамилию эту носит один из героев неоконченной повести Некрасова «Как я велик». Повесть свою Некрасов не печатал, поэтому он использовал фамилию, взятую оттуда, для персонажа, совершенно несходного с Решетиловым из повести «Как я велик».

Поэт и гражданин. Было напечатано в первом издании «Стихотворений Н. Некрасова» (1856) в самом начале книги, более крупным шрифтом, чем остальные стихи, и с особой нумерацией страниц. Этим Некрасов подчеркивал программное значение стихотворения «Поэт и гражданин». Оно было ответом Некрасова реакционной дворянской критике, которая, прикрываясь лозунгом «чистого искусства», выступала против революционно-демократической поэзии и прежде всего против самого Некрасова. Сторон-

ники этих реакционных взглядов объявляли себя защитниками пушкинского направления в поэзии. В действительности то понимание общественного долга поэта, которое развивается в стихотворении Некрасова «гражданином», опирается на традиции революционно-гражданственной поэзии Пушкина и поэтов-декабристов. А слова «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан!» представляют собой перефразировку заключительной строки посвящения к поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (1825) «Я не Поэт, а Гражданин». *Плантатор* — рабовладелец, крепостник. *Пени* — жалобы. *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, в литературе нового времени стал образным обозначением поэтического вдохновения. *Парнас* — в греческой мифологии гора в Фессалии, на которой жили музы.

«В столицах шум, гремят витии». В 1857 году русская журналистика получила возможность сравнительно свободно писать о необходимости серьезных реформ, в том числе и освобождения крестьян от крепостной зависимости. Однако дальше предположений дело еще не шло. Об этом и написал Некрасов. Цензура не пропускала этого стихотворения в печать до 1861 года. *Вития* — проповедник, оратор.

Тишина. При первом появлении в печати в IV главе были строки, выражающие веру поэта в скорое обновление и улучшение жизни народа. Некрасов с похвалой отзывался и о царе Але-

ксандре II. Вскоре Некрасов изменил свои взгляды на реформаторскую деятельность правительства и высмеял свою собственную излишнюю доверчивость. *За дальним Средиземным морем.* — Некрасов около года лечился в Италии. *Римский Петр* — католический собор святого Петра в Риме. *Колизей* — гигантский цирк в Риме, построен в I веке нашей эры, в нем происходили бои рабов-гладиаторов и казни первых христиан. *Каков ты был во дни войны* — Крымская война 1853—1856 годов. *Молчит и он* — осажденный Севастополь. *Три царства* — Англия, Франция и Турция.

Убогая и нарядная. *Ланита* — щека. *Приказ* — учреждение. *Содом* — здесь — сильный шум, суматоха. *«Мадам»* — содержательница модного магазина, который был одновременно и домом свиданий. *Лоретка* — женщина легкого поведения.

Бунт. Повидимому, является откликом на усмирение крестьянского бунта в селе Мурмине в июне 1857 года рязанским губернатором Новосильцевым.

Размышления у парадного подъезда. Впервые напечатал это стихотворение А. И. Герцен в Лондоне, в своем журнале «Колокол», в 1860 году, без имени автора и с таким примечанием: «Мы очень редко печатаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить». В России «Размышления» появи-

лись в печати только в 1863 году, но и до этого они расходились по стране в списках. Очень скоро заключительная часть стихотворения — от строки «Назови мне такую обитель» — стала одной из самых широко распространенных студенческих песен 1860—1870-х годов. Из окон квартиры Некрасова на Литейном проспекте был виден подъезд департамента уделов, куда часто приходили крестьяне-ходоки со своими просьбами. Некрасов часто мог видеть сцены, подобные той, которая описана в его стихотворении. *Пилигримы* — странники. *Щелкопер* — газетный писака, плохой писатель. *Аркадская идиллия.* — Аркадия — область в древней Греции, изображавшаяся в поэзии как страна безмятежного счастья.

Песня Еремушке. Эта песня быстро стала любимейшей из песен русской революционной демократии.

«Что ты, сердце мое, расходилося?» Написано как отклик на клевету политических врагов и недоброжелателей поэта.

На Волге. В 1860 году Некрасов задумал большую поэму автобиографического содержания под названием «Рыцарь на час». Целиком поэма не была написана. Некрасов напечатал две ее части: «На Волге» и «Рыцарь на час». Чернышевский вспоминал, что «однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разго-

вор бурлаков, слышанный им ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которое он хочет написать. Прочитав через несколько времени пьесу «На Волге», я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенной точностью». *Расшива* — большое парусное речное плоскодонное судно, грузоподъемностью 200—400 тонн.

Плач детей. Как указывал сам Некрасов, это стихотворение является переводом-переделкой стихотворения «Плач детей» радикальной английской поэтессы Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861); «Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью, вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, — конечно, гораздо меньшею... Все остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу», — писал Некрасов в примечаниях к этому стихотворению.

На смерть Шевченко. При жизни Некрасова не было напечатано по цензурным причинам. Впервые опубликовано в 1886 году сестрой Некрасова, А. А. Буткевич. Написано, повидимому, вскоре после смерти Шевченко, умершего 26 февраля 1861 года.

Крестьянские дети. *У бар бороды не бывает — усы.* — При Николае I дворянам и чи-

новникам не разрешалось носить бороду. *Гаврила* — см. примечание к «Коробейникам» (т. II, стр. 318). *Дорога большая* — шоссе Кострома — Ярославль, проходило недалеко от имения Некрасова Грешнево. В те времена по этому шоссе шло большое движение. *Шерстобит.* — В бывшей Костромской губернии был распространен валяльный промысел, и костромские шерстобиты расходились по всей России. *Лава* — мостки или плот, перекинутый через реку. *Ловить лукошком лошадку* — заманивать лукошком с овсом.

Похороны. *Ярый воск* — белый воск. *Порошок* — здесь порох.

«Ты, как поденщик, выходил». По указанию К. И. Чуковского (см. Н. А. Некрасов. Сочинения, т. I. М., 1954, стр. 405—406) стихотворение это обращено в рукописной редакции 1861 года к А. И. Герцену, а не к И. С. Тургеневу, как считалось ранее. Позднее Некрасов переадресовал это стихотворение И. С. Тургеневу и переработал его.

Свобода. Написано в 1861 году, вскоре после отмены крепостного права. Н. Г. Чернышевский был у Некрасова в день обнародования царского манифеста от 19 февраля 1861 года. «Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского

дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: «Так вот что такое эта «воля». Вот что такое она!»

20 ноября 1861. По словам Некрасова, написано в день похорон Добролюбова.

Зеленый Шум. Для своего стихотворения Некрасов использовал украинскую народную песню о зеленом шуме, напечатанную М. А. Максимовичем в 1856 году.

Рыцарь на час. См. примечание к стихотворению «На Волге».

«Надрывается сердце от муки». Начальное четверостишие написано под впечатлением от арестов русских революционеров (Чернышевского и других). *Кобылка* — кузнечик.

Калистрат. *Лапти с подковыркою* — лапти с отделкою вторым, узорчатым переплетом.

Орина, мать солдатская. Сестра Некрасова, А. А. Буткевич, с его слов записала: «Орина, мать солдатская, сама рассказывала мне свою ужасную жизнь. Я несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с нею, — а то боялся сфальшивить».

Железная дорога. Первоначально было запрещено цензурой. В 1865 году, когда была отменена предварительная цензура, Некрасов напечатал «Железную дорогу» в «Современнике», за что получил второе предостережение о закрытии журнала, если и впредь будут печататься подобные произведения. *Пальто на красной подкладке* — шинель на красной подкладке носили генералы. *Рельсы чугунные* — стальные рельсы в России начали применять в 1860-х годах. *Колтун* — болезнь волос на голове. *Ватикан* — дворец в Риме, местожительство римского папы, главы католической церкви. *Стефан* — старинный собор в Вене. *Или для вас Аполлон Бельведерский хуже печного горшка?* — Одна из самых известных статуй Аполлона (древнегреческого бога света и покровителя искусств) хранится в Бельведерской галерее Ватиканского дворца. *Термы* — общественные бани в древнем Риме, отличались обширностью размеров и роскошью отделки.

Газетная. В собрании стихотворений Некрасов предварил «Газетную» следующим ироническим предисловием: «Само собой разумеется, что лицо цензора, представленное в сатире, — вымышленное, и, так сказать, исключительное в ряду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 года в своих руках судьбы всей русской прессы». *Газетная* — комната для чтения газет в Английском клубе. Членами Английского клуба были

только люди из высшего чиновничье-дворянского общества. *Прав доныне старик Грибоедов* — слова Фамусова из комедии Грибоедова «Горе от ума»:

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Увлекали талантом недавно граф Толстой, Фет и просто Толстой. — В 1865 году Л. Н. Толстой напечатал «1905 год» — первую часть романа «Война и мир»; А. А. Фет в 1863—1864 годах напечатал в «Русском вестнике» цикл статей «Из деревни», в котором защищал интересы помещиков; *просто Толстой* — Толстой Феофил Матвеевич, реакционный критик. *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт. *Овидий* (I в. до н. э.) — древнеримский поэт. *Явилась потребность субсидий.* — Правительство Александра II поддерживало деньгами (субсидировало) реакционную печать. *Идею свободы с поджогом, с грабежом и убийством мешал.* — В 1862 году в Петербурге сгорел Апраксин двор. Реакционная печать заведомо ложно обвинила в поджогах студентов и вообще демократическую молодежь. *Нам Катков предстоит великаном.* — Катков М. Н. (1818—1887), редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника», ярый враг революционной демократии и вдохновитель самых реакционных действий правительства в 1860—1880-х годах. *Московское мненье* — взгляды Каткова и его газеты «Московские ведомости».

«Инвалид» — «Русский инвалид», газета военного министерства, где печатались все перемещения, назначения и награды по военному ведомству. *Плеть* — орудие наказания, состояло из короткой рукоятки и плети из кожаных ремешков. Наказание плетьми отменено в России в 1863 году. *Вист* — карточная игра, распространенная в 1850—1870-х годах. *Мало им, что они Маколея.* — Изображенный Некрасовым цензор считает бунтарями даже умеренных либералов: у него в одном ряду с Прудоном (1809—1865), французским мелкобуржуазным социалистом, одним из основателей анархизма, находится Маколей (1800—1859), английский историк, идеолог буржуазного либерализма, Гизо (1787—1874), французский историк и консервативный буржуазный политический деятель, и Тьер (1797—1877), французский политический деятель и историк, позднее организатор жестокой расправы с Парижской Коммуной 1871 года. *Государственная роспись* — роспись расходов и доходов государства (государственный бюджет) в России; печатать государственный бюджет правительство стало только с 1862 года. *Земство* — местное самоуправление, введенное 1 января 1864 года для заведования местным хозяйством. *Вальтер Скотт* (1771—1831) — английский исторический романист. *Купер* (1789—1851) — американский романист. *Канупер* — ядовитая трава. *Фейербах* (1804—1872) — немецкий философ-материалист. Его сочинения не пропускались в Россию цензурой. *Речь идет о сардинских владеньях.* — Сардинское королевство суще-

ствовало с 1720 по 1861 год, вошло в состав объединенной Италии. *Нигилист* — отрицатель, так реакционная журналистика называла сторонников идей революционной демократии в России.

Песни о свободном слове. *Ослобонилась печать.* — Имеется в виду отмена в 1865 году предварительной цензуры. *Зефир* — теплый западный ветер у древних греков. *Армия свинцовая* — литеры (буквы) для ручного набора печатного текста, делались в то время из свинцового сплава. *Оригинал* — рукопись для набора. *Касса* — ящик для хранения литер. *Господин Пановский* — сотрудник реакционной газеты «Московские ведомости». *Что в Петербурге климат плох.* — При Николае I Булгарину, осмелившемуся написать, что в Петербурге часто бывает плохая погода, в III Отделении (тайная полиция) сделали строгий выговор: «Вольнодумствовать вздумал... Климат царской резиденции бранишь?? Смотри!..» (Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929, стр. 226). *Курил на улицах сигары.* — Курение на улицах было разрешено только в 1865 году. *Все лишь подобье* — фраза из передовой статьи газеты «День» за 1865 год, издававшейся И. С. Аксаковым, сторонником реакционного славянофильства. *Мы же должны мужикам.* — В «Современнике», 1865, № 9, публицист Ю. Г. Жуковский подсчитал, что дворянство русское должно крестьянам 6 миллиардов рублей. *Отрицают поэты пользу железных дорог.* — За «Железную дорогу» Некрасова «Современник»

получил второе предостережение о закрытии. *«Голос»* — умеренно-либеральная газета, критиковавшая действия правительства в связи с присоединением Ташкента. *Только газеты московской* — «Московских ведомостей» Каткова. *Даже коснулся министра неустрашимый Катков* — выступление Каткова против министра просвещения Головнина. *Пропала книга!* — В 1866 году еще до выхода в свет была арестована и приговорена к уничтожению книга А. С. Суворина «Всякие. Очерки современной жизни». Суворин (впоследствии издатель реакционно-черносотенной газеты «Новое время») тогда еще придерживался либеральных взглядов. В своей книге он с большим сочувствием писал о Чернышевском, недавно (в 1864 г.) осужденном на каторгу. По этой причине книга и была уничтожена.

Балет. *Диана* — древнегреческая богиня луны, покровительница охоты. *Флора* — древнеримская богиня цветов. *Терпсихора* — муза, покровительница танцев. *Спектакль бенефисный* — театральный спектакль, весь сбор с которого идет бенефицианту, участнику спектакля. *Феб* — в греческой мифологии бог солнца, покровитель искусств. *Купидон* — бог любви у древних римлян. *Денди* — щеголь, законодатель мод. *Зеленый стол.* — Столы для карточной игры обивались зеленым сукном. *Вот вопрос!* — Безденежье дворянства и знати — постоянная тема в журналистике начала 1860-х годов. *Генерал-губернатор Суворов* — Суворов Александр Аркадьевич

*

(1804—1882), внук генералиссимуса Суворова; считался представителем либеральной части правительственных кругов, был петербургским генерал-губернатором в 1861—1866 годы. *Долговое отделение* — арестный дом для злостных неплательщиков долгов. *Дума* — городская дума, выборный орган местного самоуправления. *Ассигнация* — бумажные деньги. *Подделка серий* — громкое судебное дело 1865 года о подделке бумажных денег на большую сумму. В подделке участвовали преимущественно дворяне. *Откупщик.* — До 1861 года продажа вина сдавалась на откуп торговцам, заранее уплачивавшим определенную сумму государству. *Меняла* — владелец меняльной лавки, где производился обмен бумажных денег на золото и серебро. *Камелия* — цветок, в переносном смысле — женщина легкого поведения. *Золотой телец* — библейский образ богатства. *Бокль* (1821—1862) — английский либеральный историк, его книга «История цивилизации в Англии» (1857—1861) имела очень широкое распространение среди русской демократической интеллигенции 1860—1870-х годов. *Фора* — возглас одобрения, вызывающий артистов на сцену для повторения. *Метр* — стихотворный размер. *Пантомима* — театральная сценка без слов. *Петипа М. С. (Суровщикова)* — балерина, с большим успехом исполнявшая танец «Мужичок» в костюме, описанном Некрасовым. *Бернарди* — итальянская оперная певица. *Ластовица* — цветная вставка подмышкой в русской мужской крестьянской рубахе. *Гурия* — райская

красавица, по религиозным представлениям мусульман. *«Дева Дуная»* — балет Тальони, часто ставившийся в Петербурге. *Роллер А.* (1805—1891) — театральный живописец и декоратор петербургских театров с 1833 по 1879 год.

«Ликует враг, молчит в недоуменьи». — После покушения Каракозова на Александра II, в апреле 1866 года, Некрасов, надеясь спасти «Современник» от закрытия, принял участие в чествовании М. Н. Муравьева, прославившегося жестоким подавлением восстания в Польше, и прочел свою оду в честь Муравьева. Стихотворение «Ликует враг» написано в тот же день, что и ода Муравьеву.

Стихотворения, посвященные русским детям

I. Дядюшка Яков. Это стихотворение, как и следующее, должно было войти в подготовлявшуюся Некрасовым книгу стихотворений для детского чтения. *Караковый* — темногнедой, почти вороной, с подпалинами и желтизной на морде. *Сбоина макова* — маковые зерна, из которых выжато масло. *Сусальный конь* — пряник, покрытый тонкой сусальной позолотой. *Белена* — ядовитое растение.

II. Пчелы. *Притча* — нравоучительный рассказ.

III. Генерал Топтыгин. *Ямщичок обратный* — ямщик, возвращающийся обратно порожняком с той почтовой станции, куда он довез

пассажира. *Материк* — матерый, большой, возмужалый.

«Умру я скоро. Жалкое наследство». Ответ на стихотворное послание, полученное Некрасовым в марте 1866 года и подписанное «Неизвестный друг». В стихотворении этом говорилось:

Мне говорят: твой чудный голос — ложь,
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.
Но их речам меня не убедить;
Иное мне твой взгляд сказал невольно:
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!
Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламя,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно как камень!
Но отчего ж весь мир сильней любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?!
Не может быть!

Как установлено Л. П. Клочковой, автор этого послания — О. Павлова (см. «Некрасовский сборник» № 2, ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР — печатается).

Песня о труде. Песня эта входит в состав незаконченной пьесы Некрасова «Как убить ве-

чер». *Геркулес* — по преданиям древних греков, необыкновенный силач, полубог. *Гаршнеп* — самый малый вид бекаса.

Песня. Песню эту поет молодая девушка Люба Тарутина в незаконченной пьесе Некрасова «Как убить вечер». Некрасов напечатал песню Любы отдельно, и она получила очень широкое распространение среди демократической молодежи 1870-х годов.

Человек сороковых годов. *Но я прошел через цензуру незабываемых годов* — имеются в виду годы правления Николая I (1826—1855).

«Зачем меня на части рвете». Это стихотворение является откликом на ту травлю, которой подвергся Некрасов, прочитав свои стихи М. Н. Муравьеву. При жизни Некрасова не печатались.

Еще тройка. *Взалкал* — пожелал.

Мать. Подготовляя новое издание своих сочинений, Некрасов сделал приписку к этому стихотворению: «думаю, понятно: жена сосланного или казненного».

«Не рыдай так безумно над ним». Посвящено памяти Д. И. Писарева (1840—1868),

одного из самых талантливых и ярких публицистов русской демократии 1860-х годов. Писарев просидел в Петропавловской крепости с 1862 по 1866 год, а в 1868 году утонул во время купанья. Стихотворение обращено к М. А. Маркович, гражданской жене Писарева, известной писательнице, печатавшейся под псевдонимом Марко Вовчок. Последние две строки, как указывал Некрасов, представляют собой перефразировку русской пословицы, взятой из сборника В. Даля.

«Душно! без счастья и воли». Под *бурей* здесь подразумевается революция. В прижизненных изданиях в подзаголовке указывалось: «Из Гейне». Подготовляя новое издание, Некрасов зачеркнул этот подзаголовок и написал: «Собственное».

Дедушка Мазай и зайцы. *Малые Вежи* — деревня в Костромской губернии, в окрестностях которой часто охотился Некрасов. *Дупель* — болотная птица. *В кураже* — непринужденно, развязно. *Пуделять* — промахнуться из ружья. *Затравка* — отверстие в казенной части старинного ружья для запала пороха.

Три элегии. *А. Н. Плещеев* (1825—1893) — поэт, деятельный сотрудник Некрасова по «Современнику» и «Отечественным запискам». Стихотворения написаны в разное время и являются отголоском отношений Некрасова с А. Я. Панаевой.

Страшный год. Стихотворение это навеяно событиями франко-прусской войны 1870—1871 годов и разгромом Парижской Коммуны 1871 года.

Уныние. В стихотворении описаны окрестности Грешнева, имения Некрасова в б. Ярославской губернии. *Любимая река* — Волга. *Иль на щите не вынесен из боя.* — На щите в древности выносили из боя убитого. *Атава* (отава) — трава, выросшая после косьбы. *Стожар* — шест в центре стога. *Ужель опять наградой будет плугу голодный год?* — В 1873 году в Поволжье был большой голод.

Путешественник. *Белый жабо* — сборчатый воротник из кружев или кисеи.

«Смолкли честные, доблестно павшие». Стихотворение посвящено памяти Парижской Коммуны 1871 года, но напечатано в России не было, и в 1877 году Некрасов переадресовал это стихотворение русским революционерам и переслал его в тюрьму рабочему Петру Алексееву, видному русскому революционеру-народнику, судившемуся тогда со своими товарищами по «Процессу пятидесяти».

Н. Г. Чернышевский. Когда писалось это стихотворение, Чернышевский был в ссылке, в Вилюйске, Якутской губернии.

Горе старого Наума. *Бабайский монастырь* — Николо-Бабаевский монастырь, находился недалеко от имения Некрасова Грешнево. *Большие Соли* — село на противоположном берегу Волги (по отношению к Грешневу). *Паузиться* — перегружать на мелководье с больших судов на мелкие паузки. *Личные* — сапоги, сшитые стороной, где была шерсть, наружу. *Чуйка* — длинная суконная мужская одежда, ее носили торговцы, перекупщики, прасолы. *Смоленая головка* — дорогие французские вина продавались в бутылках с осмоленными головками.

Элегия. *А. Н. Ераков* — друг Некрасова, муж его сестры А. А. Буткевич. В этом стихотворении Некрасов повторяет некоторые мотивы и выражения из стихотворения Пушкина «Деревня».

Поэту. *Век «крови и меча»* — перефразированные слова О. Бисмарка (1815—1898), произнесенные им в 1862 году: «Великие вопросы времени решаются не речами и постановлениями, а железом и кровью». Некрасов осуждает в своем стихотворении завоевательную политику германского империализма, вдохновителем и организатором которой был Бисмарк, глава прусского, а затем общегерманского правительства с 1861 по 1890 год.

Вступление к песням 1876—77 годов. Стихотворения последних лет своей жизни Некра-

сов объединил в сборник «Последние песни» (1877). Это стихотворение было вступлением к сборнику.

Сеятелям. *Кошница* — корзина.

Зине. Обращено к жене поэта Фекле Онисимовне Викторовой. Некрасов звал ее Зиной.

Приговор. *Пария* — так в Индии называются люди, принадлежащие к низшей касте, так называемые неприкасаемые.

«Есть и Руси чем гордиться». *Вестминстерское аббатство* — старинный монастырь в Лондоне, где похоронены выдающиеся деятели Англии.

Осень. Последнее стихотворение, напечатанное при жизни Некрасова. Является откликом его на события русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

«О Муза! я у двери гроба!» По словам сестры Некрасова, это последнее написанное им стихотворение.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Н. А. Некрасов. *Статья В. П. Дружина* . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Современная ода 71 *460*
В дороге 73 *460*
«Когда из мрака заблужденья» 76 *460*
Колыбельная песня 78 *461*
«Я за то глубоко презираю себя» . . . 80 *461*
Огородник 81 *461*
Тройка 84 *462*
Родина 87 *462*
Перед дождем 90 *462*
«В неведомой глуши, в деревне полудикой» 91 *462*
Псовая охота 93 *463*
«Еду ли ночью по улице темной» . . . 105 *463*
«Если, мучимый страстью мятежной» . . 107
«Ты всегда хороша несравненно» . . . 109
Нравственный человек 110
Вино 112

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) страницу примечания.

«Вчерашний день, часу в шестом» . . . 115 *464*
«Я не люблю иронии твоей» 116
«Да, наша жизнь текла мятежно» . . . 117 *464*
«Так это шутка? Милая моя» 119
На улице *464*
1. Вор 121
2. Проводы 122
3. Гробок 122
4. Ванька 123
«Мы с тобой бестолковые люди» 124
Муза 125 *465*
Новый год 128 *465*
В день смерти Гоголя 130 *465*
Застенчивость 132 *466*
«О письма женщины, нам милой!» . . 135
Памяти Асенковой 137 *466*
Последние элегии *467*
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы» 141
2. «Я рано встал, недолги были сборы» 142
3. «Пышна в разливе гордая река» . 143
Памяти приятеля 144 *467*
Филантроп 145 *468*
Отрывки из путевых записок графа Гаранского 151 *468*
Несжатая полоса 156
«Я сегодня так грустно настроен» . . 158
Влас 159 *468*
«Праздник жизни — молодости годы» . 163
«Безвестен я. Я вами не стяжал» . . . 165
Маша 166 *469*
В. Г. Белинский 168 *469*
«Внимая ужасам войны» 175 *471*

На родине 176
Гадающей невесте 177
Секрет 179 *471*
Забытая деревня 183 *471*
«Тяжелый крест достался ей на долю» . 185
«Где твое личико смуглое» 187
«Замолкни, Муза мести и печали!» . . 188 *471*
Княгиня 189 *472*
«Как ты кротка, как ты послушна» . . 192
Школьник 193 *472*
Тургеневу 195
«Самодовольных болтунов» 197 *472*
Поэт и гражданин 199 *472*
«В столицах шум, гремят витии» . . . 210 *473*
Тишина 211 *473*
Убогая и нарядная 218 *474*
Бунт 224 *474*
«Стихи мои! Свидетели живые» 225
Размышления у парадного подъезда . . 226 *474*
«Ночь. Успели мы всем насладиться» . 231
Песня Еремушке 232 *475*
«Что ты, сердце мое, расходилося?» . . 236 *475*
На Волге 237 *475*
Плач детей 248 *476*
На смерть Шевченко 250 *476*
«Что ни год уменьшаются силы» . . . 252
Крестьянские дети 253 *476*
Похороны 263 *477*
Дума 267
«Ты, как поденщик, выходил» 269 *477*
Свобода 271 *477*
20 ноября 1861 . . . . 272 *478*

Зеленый Шум 273 *478*
«Литература, с трескучими фразами» . 276
«В полном разгаре страда деревенская» . 277
Рыцарь на час 279 *478*
«Надрывается сердце от муки» 287 *478*
Кумушки 289
Калистрат 292 *478*
Орина, мать солдатская 293 *478*
Памяти Добролюбова 298
Железная дорога 300 *479*
Возвращение 307
Газетная 309 *479*
Песни о свободном слове *482*
I. Рассыльный 321
II. Наборщики 323
III. Поэт 328
IV. Литераторы 328
V. Фельетонная букашка . . . 329
VI. Публика 331
VII. Осторожность 337
VIII. Пропала книга! 341
Балет 343 *483*
«Ликует враг, молчит в недоуменьи» . 358 *485*
Стихотворения, посвященные русским детям
I. Дядюшка Яков 359 *485*
II. Пчелы 363 *485*
III. Генерал Топтыгин 364 *485*
«Умру я скоро. Жалкое наследство» . . 369 *486*
Песня о труде 371 *486*
Песня 373 *487*
Человек сороковых годов 375 *487*
Эй, Иван! 376

С работы 381
«Зачем меня на части рвете» 383 *487*
Еще тройка 385 *487*
Мать 388 *487*
«Не рыдай так безумно над ним» . . . 389 *487*
«Душно! без счастья и воли» 391 *488*
Дедушка Мазай и зайцы 392 *488*
Три элегии *488*
I. «Ах! что изгнанье, заточенье!» . 399
II. «Бьется сердце беспокойное» . 401
III. «Разбиты все привязанности, разум» 401
Утро 403
Страшный год 405 *489*
Уныние 407 *489*
Путешественник 415 *489*
«Смолкли честные, доблестно павшие» . 417 *489*
Н. Г. Чернышевский 418 *489*
Горе старого Наума 419 *490*
Элегия 433 *490*
Поэту 435 *490*
Подражание Шиллеру
I. Сущность 437
II. Форма 437
Вступление к песням 1876—77 годов . . 438 *490*
«Дни идут... все так же воздух душен» 440
Сеятелям 441 *491*
Молебен 442
Друзьям 443
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право») 444 *491*
Музе («О Муза! Наша песня спета») . 445
«Скоро стану добычею тленья» . . . 446

Зине («Двести уж дней») **447**
Приговор 448 *491*
«Есть и Руси чем гордиться» 449 *491*
Баюшки-баю 450
Старость 452
Ты не забыта... 453
Осень 454 *491*
«О Муза! я у двери гроба!» 456 *491*

ПРИМЕЧАНИЯ 457

Некрасов Николай Алексеевич
СТИХОТВОРЕНИЯ, т. 1

Редактор *Г. П. Макогоненко*

Художник *Л. С. Хижинский*
Художж. редактор *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Л. Д. Саксаганская*

Сдано в набор 20/II 1956 г. Подписано в печать 4/VII 1956 г. М 34501. Бумага 84×108/64. Печ. л. 15,63+1 вкл. (12,86) Уч.-изд. л. 15,79. Тираж 50 000. Зак. № 185
Цена 5 р. 75 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3.

В части тиража
замечены следующие опечатки

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
345	15 сн.	Нам	Нас
480	9 св.	„1905 год“	„1805 год“

Н. Некрасов, т. I